

ЧАРЛЬЗ
МАРТИН

В ОБЪЯТИЯХ
ДОЖДА

Чарльз Мартин
В объятиях дождя

ООО "Эвербук"

2005

Мартин Ч.

В объятиях дождя / Ч. Мартин — ООО "Эвербук", 2005

ISBN 978-5-00-580197-5

У Такера Мэйсона успешная карьера фотографа. Он путешествует по всему миру, но избегает лишь одного места — собственного дома. В Алабаме остались отец, с которым у него сложные отношения, брат, страдающий психическим расстройством, и бывшая девушка. Но однажды Такеру придется вернуться к своему прошлому. Вот только он даже не подозревает, каким приключением обернется поездка в родной город...

ISBN 978-5-00-580197-5

© Мартин Ч., 2005
© ООО "Эвербук", 2005

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	25
Глава 3	35
Глава 4	40
Глава 5	48
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Чарльз Мартин

В объятиях дождя

Чарльз Мартин

* * *

Роман о возвращении домой

Моей маме, даже сейчас – коленопреклоненной.

Пролог

Проснувшись от несносного нервного зуда, я подтягиваю коленки почти к груди. Сердце стучит, как барабан, возвещающий о начале войны. В комнате темно, хотя на небе светит луна. Я знаю, что Рекс ни за что не позволит мне улизнуть из дома. Я чуть-чуть высовываю голову из-под одеяла. Волосы слиплись от пота. Я смотрю в окно с койки, подвешенной едва ли не под потолком. Пар от дыхания оседает на стекле, и лунный свет расплывается в туманном ореоле. У ограды, вдалеке, стоят три копны сена, покрытые белым целлофаном; между ними, в пополах, мирно пасутся несколько лошадей, а рядом с ними и два оленя. Голубая луна освещает лишь порог черного хода в дом и амбар. Кажется, что пастбище колышется в волнах тумана. О, если можно было бы оседлать эти волны и унести далеко-далеко, над золотистыми полями, даже не оглянувшись назад...

Я всегда спал, укутавшись в одеяло с головой, поэтому напоминал кокон – так я не видел Рекса. Но иногда мой зад получал сполна. В прошлом году, когда у меня появился младший брат, я решил, что теперь меня станут пороть в два раза меньше, поскольку половина побоев должна была прийти на его долю, но ошибся: теперь меня пороли сразу за двоих.

Я утер нос рукавом байковой пижамы и соскользнул с верхней койки, залитой теперь лунным сиянием, – настоящий Питер Пэн¹ – таким я казался маленьким в своей мешковатой пижаме. Это одеяние мне купила мисс Элла, и кожаные вставки на нем забавно поскрипывали, пока я на цыпочках крался к стулу, на котором висел мой ремень с двойной кобурой. Затаив дыхание, я затянул ремень и проверил на ощупь свой шестизарядный кольт, потом напялил на уши ковбойскую шляпу и прокрался к двери. В углу, на расстоянии вытянутой руки, примостилась моя бейсбольная бита. Недавно она была вся в сучках и зазубринах, но Мозес выстрогал рукоятку, и теперь она гладкая и вполне удобная. Я пристроил ее на плече: надо ведь пройти мимо комнаты Рекса, имея при себе оружие защиты, ведь никогда не знаешь, дома он или нет, а рисковать не стоило. Если он дома и откроет дверь, тогда я ударю его по ноге и выстрелю сразу из двух стволов, а потом помчусь как бешеный с чердака, пока он будет бесноваться и проклинать все на свете, нарушая третью заповедь: «Не богохульствуй».

Последние несколько недель я мучительно раздумывал над некоторыми вещами, хотя это было бессмысленно. Почему у меня нет мамы? Почему отца почти никогда не бывает дома, а когда он появляется, то всегда ругается и пьет, и почему у меня все время болит живот?

В комнате Рекса темно. Оттуда не доносится ни звука, но меня не проведешь! Ведь перед тем, как грянет гром, небо обязательно затягивают черные тучи, а вокруг стоит тишина. Опустившись на четвереньки, я ползу на животе, словно солдат во время вражеского обстрела, – сначала один локоть вперед, потом другой, – мимо зловещей двери в комнату Рекса, не останавливаясь ни на секунду, чтобы туда заглянуть. Вот так неслышно я ползу в своем байковом балахоне по навощенному полу. В последнее время Рекс часами сидит в темноте и пялится в свои очки с толстыми линзами... Раньше я сомневался, но сейчас твердо знаю, что темнота в комнате не означает его отсутствия, поэтому продолжаю ползти. При одной только мысли, что там, в темноте, в своем кресле сидит Рекс и видит меня... и вот сейчас он поднимется и подойдет к двери, меня охватывает парализующий ужас. Дыхание учащается, и на лбу крупными каплями выступает пот. Однако я ничего не слышу, кроме оглушительного стука собственного сердца, ни храпа, ни ругани...

Миновав дверь, я вытер со лба пот и изо всех сил рванул прочь, но и тогда не услышал топота ног, и его руки не схватили меня за шиворот и не швырнули на пол. Вот я добегаю до

¹ Персонаж сказки Дж. М. Барри – маленький мальчик, который не хотел взрослеть. Он был наделен магической силой. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

лестницы, перебрасываю ногу через перила и скольжу вниз к мраморной площадке на первом этаже. Оглянувшись, я опять-таки не вижу Рекса, но все равно припускаюсь бегом. Если он дома, то все равно меня поймают.

Я бегу через библиотеку, курительную комнату, небольшой кабинет, гостиную с таким огромным камином, что можно там улечься и выспаться, через кухню, в которой пахнет жареным цыпленком, подливкой и еще теплым печеньем. Вот я перемахнул через порог черного хода, откуда несет помоями, бегу через пастбище – тут стоит запах свежего навоза – к маленькому домику мисс Эллы, где всегда пахнет добротой и заботой.

По словам мисс Эллы, все началось с того, что мой отец, Рекс, дал в местной газете объявление: «Требуется помощь по дому» – на той самой неделе, когда я родился на свет. Почему он дал именно такое объявление? По двум причинам: он был слишком самолюбив, чтобы просто сообщить о необходимости пригласить няню, тем более что отослал мою мать, служащую его фирмы и работавшую по вечерам, подшивать бумаги где-нибудь в другом месте.

На объявление отозвался человек двадцать, но Рекс был придирчив, что было странно при его склонности к беспорядочным связям с женщинами. И вот однажды, сразу же после завтрака, в дверь позвонили. Это была мисс Элла Рейн², бездетная вдова сорока пяти лет. Ее дед был внуком черного раба из Алабамы. Она звонила долго, почти минуту, а отец специально не открывал дверь – он не хотел показаться слишком нетерпеливым и остро нуждающимся в помощи. Но наконец Рекс отворил дверь и оглядел мисс Эллу долгим взглядом поверх очков. Рекс прекрасно мог читать и без очков, но носил их для того, чтобы создать надлежащее впечатление. Перед ним стояла, скромно сложив руки на животе, женская особа в белом рабочем нейлоновом платье – такие обычно и носит домашняя прислуга; в гольфах, на ногах – белые же кроссовки с двойной шнуровкой. Волосы у женщины были собраны в пучок и заколоты несколькими шпильками. На лице не было никакой косметики, и, приглядевшись, можно было заметить на ее светло-коричневых щеках веснушки. Женщина протянула Рексу рекомендации и сказала:

– Доброе утро, сэр. Я мисс Элла Рейн.

Рекс тщательно просмотрел через очки ее выдавшие виды справки, время от времени бросая взгляд на мисс Эллу. Она хотела было что-то сказать, но отец жестом велел ей замолчать, и женщина, сложив руки, замерла в ожидании. Чтение продолжалось три-четыре минуты, а потом со словами «подожди здесь» он захлопнул дверь перед ее носом, но через минуту вернулся со мной на руках, разрешив ей войти, после чего, торжественно протянув руки вперед, сказал:

– Значит, так. Убирай в доме и смотри за ребенком!

– Да, сэр, мистер Рекс, – отвечала мисс Элла.

Она взяла меня на руки, вошла в прихожую и огляделась. Вот почему мне кажется, что я знал мисс Эллу Рейн всегда, и помню я не родившую меня мать, а ее, богоданную.

И еще я никогда не мог понять, почему она взялась за это дело.

Мисс Элла окончила среднюю школу первой ученицей в классе, но предпочла колледжу фартук служанки и заработала достаточно денег, чтобы послать туда младшего брата Мозеса. Когда я стал достаточно взрослым, чтобы уяснить себе все благородство ее поступка, она просто и ясно сказала:

– Придет день, когда и ему надо будет позаботиться о семье. А меня уже не будет на этом свете.

Когда заканчивался первый месяц ее службы в нашем доме, она обосновалась со всеми своими пожитками в домике для прислуги, но, как правило, ночи проводила у входа в мою спальню на втором этаже. Позаботившись о моих нуждах – пища, одежда и кровать с сеткой, –

² Rain – дождь (англ.).

Рекс вернулся в Атланту и возобновил свое незаконное наступление на долларовую цитадель. Вскоре весь распорядок нашей жизни установился раз и навсегда. В трехлетнем возрасте я мог лицезреть Рекса с четверга по воскресенье. Он прилетал убедиться, что домашняя прислуга все еще его побаивается, на щеках у меня играет румянец, а заодно объездить какую-нибудь чистокровную кобылку. После прогулки он предпочитал исчезнуть на втором этаже со своим знакомым, помощником окружного судьи. Через месяц он ублажал недавно появившегося партнера по бизнесу, а затем они обычно исчезали в баре и пребывали там, пока Рекс не напивался как следует. Он был убежден, что все люди, а особенно деловые партнеры, – нечто вроде поездов: «езди на них туда-сюда, пока не устанешь, а потом прыгай из вагона на ходу. Через пять минут подоспеет другой поезд».

Если Рекс был дома, то громко разглагольствовал, и в его речах обязательно присутствовали два слова: первое было «Бог», а второе я пообещал мисс Элле никогда не говорить вслух. В пятилетнем возрасте я не знал, что оно обозначает, но то, как отец его произносил, как багровел при этом, как брызгал слюной, пузырившейся в углах рта, – ясно свидетельствовало о том, что слово это нехорошее.

– Мисс Элла, – спросил я однажды, почесывая голову, – а что это такое?

Мисс Элла вытерла о передник руки, стащила меня со стула и усадила на буфетную стойку. Прижавшись ко мне лбом, она приложила указательный палец к моим губам:

– Ш-ш-ш, – прошептала она.

– Но, мисс Элла, что оно *значит*?

Вскинув голову, она прошептала:

– Такер, это такое слово, произносить которое запрещает третья заповедь Господня. Это скверное, очень скверное слово, самое худшее из всех, что есть на свете. И твоему отцу не следует его произносить.

– Но почему же он произносит?

– Иногда взрослые, когда на что-нибудь сердятся, так выражаются.

– А почему я от тебя никогда его не слышал?

– Такер, – она поставила мне на колени миску с кукурузным тестом, чтобы я помог ей его месить, – обещай, что сам ты этого слова никогда не скажешь. Обещаешь?

– А вдруг ты тоже рассердишься и произнесешь его?

– Никогда! А теперь, – и она взглянула мне прямо в глаза, – обещай! Обещаешь?

– Да, мэм.

– Нет, ты как следует скажи!

– Я обещаю, мама Элла.

– А вот этого никогда не повторяй!

– Чего?

– «Мама Элла»... Он сразу же меня уволит.

– Да, мэм.

– Ну и хорошо, а ты мешай тесто, мешай! – И она посмотрела в ту сторону, откуда к нам доносилась брань Рекса.

– Давай скорее, он, наверное, проголодался.

Подобно не раз битым собакам, мы научились распознавать все оттенки Рексовой брани и прекрасно различали, чем она угрожает на этот раз.

Уверен, что каждый день своей жизни мисс Элла тяжело трудилась. Я много раз слышал, как, положив руку на бок и согнувшись, мисс Элла признавалась Мозесу: «Братец, мне сейчас бы рот прополоснуть, позаботиться о своем геморрое, съесть несколько початков кукурузы и опустить, наконец, голову на подушку». Но вместо этого мисс Элла надевала на голову косынку и принималась за грязную работу, ползая по полу на коленях. Вот так начинался ее рабочий день, и он мог продолжаться до ночи.

Мысль о Рексе заставила меня снова оглянуться на дом. Если Рекс там, но не смог одолеть лестницу наверх, то, наверное, он может заметить меня из тыльной части особняка и дверь домика мисс Эллы, но я все равно стремглав бежал к ней. Повернув помойное ведро вверх дном, я вставал на него и подтягивался вверх на руках, пока не упирался подбородком в подоконник, дрыгая ногами в носках и колотя ими по холодной кирпичной стене. А внутри, в домике, мисс Элла стояла на коленях возле постели и молилась. И так бывало часто... На ее склоненной голове желтеет резиновая шапочка для душа, кисти рук сложены вместе и покоятся на раскрытой Библии, лежащей на постели. Будь что будет, но она неизменно вкушала ежедневную порцию Божественной пищи. И цитировала Библию часто и очень торжественно. Да она и вообще редко употребляла слова или фразы, которых не было бы в Ветхом или Новом Заветах. Чем больше Рекс пил, чем больше он сквернословил и сыпал проклятиями, тем больше мисс Элла молилась. Я однажды заглянул в ее Библию и увидел, что многие места там подчеркнуты. Я тогда читал не очень хорошо, но, по-моему, это была Книга псалмов. Они приносили мисс Элле особенное утешение, и прежде всего псалом двадцать пятый.

Вот и сейчас мисс Элла молча шевелила губами и слегка, в такт чтению, кивала головой, а ее закрытые глаза окружали глубокие морщины. Вот такой я ее время от времени и вспоминаю – коленопреклоненную леди. А то, что я мог разглядеть лишь ее спину, совершенно ничего не значило. Я все равно видел под жесткими, как проволока, курчавыми, ею собственноручно подстриженными волосами два маленьких, словно бусинки, глаза, которые замечали все происходящее и видели даже то, что никому незримо. У нее были как бы две пары глаз: одна впереди – добрая и ласковая, а другие глаза на затылке – они всегда ловили меня на каком-нибудь проступке. Иногда я даже представлял, что вот когда она заснет, я тихонько подкрадусь сзади и постараюсь найти эту вторую, скрытую ото всех, пару глаз. Меня останавливал только страх. Я боялся, что даже если и удастся подкрасться к ней, когда она спит, и снять с ее головы желтую резиновую шапочку, раздвинуть на затылке волосы и увидеть закрытые веки, то эти глаза-бусинки вдруг откроются и прожгут меня огнем насквозь, и я, создание из плоти и крови – живое, любопытное, облизывающее губы от нетерпения все узнать, – сразу превращусь в огненный столп и – пыхх! – только меня и видели!

Я легонько постучал битой в окно и прошептал: «Мисс Элла!» Вечер был холодный, изо рта вырвался пар, похожий на дым Рексовой сигары, я смотрел вверх и ждал, а холод расплзался по коже под комбинезоном. Пока я дрыгал ногами в воздухе, держась за подоконник, мисс Элла встала, накинула на плечи старую шаль, подошла к окну и подняла раму. Увидев меня, она протянула руку и втащила меня в комнату, все мои почти тридцать килограммов: я знал свой вес точно, потому что на прошлой неделе они с Мозесом водили меня к врачу по случаю моей пятилетней годовщины, и, когда Мозес поставил меня на весы, она воскликнула: «Дитя, ты уже вешишь вполовину меня!»

Мисс Элла закрыла окно и, снова опустившись на колени, спросила:

– Такер, ты почему не в постели? Ты знаешь, сколько сейчас времени?

Но я только покачал головой. Тогда она сняла с меня ковбойскую шляпу, расстегнула ремень на комбинезоне и повесила их на столбик деревянной кровати.

– Ты что? Хочешь замерзнуть насмерть? Иди-ка сюда.

Мы сели в ее качалку перед очагом, в котором еще тлели угольки. Мисс Элла подбросила в очаг несколько поленьев и стала легонько раскачиваться взад-вперед, согревая мои озябшие руки в своих теплых ладонях. Слышались только поскрипывание кресла-качалки и стук моего сердца... Прошло несколько минут.

– Так что с тобой приключилось, дитя? Что с тобой? – спросила она, откинув волосы с моего лба.

– У меня живот болит!

Она кивнула и погладила меня по голове. От пальцев пахло ее обычным лосьоном.

– Тебя тошнит? Или тебе нужно в уборную?

Но я покачал головой.

– Ты не можешь заснуть? – Я кивнул. – Ты чего-то боишься?

Я снова кивнул и попытался рукавом вытереть слезу на щеке, а она обняла меня еще крепче и снова спросила:

– А может, расскажешь, что случилось?

Но я снова покачал головой, шмыгая носом.

Мисс Элла еще крепче прижала меня к своей теплой, уже обвисающей груди и замурлыкала в такт покачиванию какую-то песенку, и я почувствовал себя в полнейшей безопасности.

Потом она положила мне руку на живот и прижалась головой, словно врач, к моей груди, чтобы послушать сердце. Через несколько секунд, кивнув головой, она схватила одеяло и крепко меня закутала.

– Такер, у тебя сейчас болит то место, где живут люди...

– Какое такое место? – удивился я.

– Место, в котором у нас всегда живут другие люди... Ну, это как маленькая шкатулочка для драгоценностей.

– И в ней есть деньги?

– Нет, не деньги. – Мисс Элла улыбнулась и покачала головой. – Там не деньги, там люди, которых ты любишь и которые любят тебя. И человеку хорошо, когда эта шкатулочка полна, и плохо, когда в ней пусто. И сейчас она у тебя становится все больше и потому болит, ну вот как у тебя икры болят и лодыжки. – Она дотронулась до моего пупка. – И вот тут у тебя много чего накопилось...

– А чего?

– Того, что Бог вложил, нас создавая.

– И это у всех так?

– Да.

– И у вас тоже?

– Даже и у меня, – прошептала она.

– А можно мне посмотреть?

– Нет, видеть этого нельзя...

– Тогда почему мы знаем, что это есть?

– Ну, мы чувствуем это. Словно здесь у нас у всех огонь горит. Вот ты сейчас уже не видишь, как полено горит, а тепло от него все равно идет. И чем ближе подвигаешься к теплу, тем больше его чувствуешь!

– А что у вас там, внутри?

– Сейчас посмотрим... Ну, например, ты... И Джордж...

Так звали ее мужа, который умер за полгода до того, как Рекс дал объявление в газету. Она редко рассказывала о муже, но его фотография стояла на ее каминной полке.

– Ну, еще Мозес, мои родители и все братья и сестры... Ну и другие родственники...

– Но ведь они все уже умерли, кроме Моза и меня!

– Но если кто и умирает, то ведь это не значит, что человек этот покинул тебя насовсем.

Легонько пальцами она повернула к себе мое лицо:

– Любовь, Такер, вместе с людьми не умирает!

– А кто живет внутри у моего папы?

– Ну... – она с минуту помедлила, а затем, видно, решила выложить если не всю правду, то хотя бы часть ее.

– Главным образом, там живет «Джек Дэниелс»³.

³ Сорт виски.

– Но вам он почему-то не нравится?

– Ну, во-первых, – рассмеялась мисс Элла, – мне сам вкус виски не нравится, и, во-вторых, я пробую лишь то, что люблю или могу полюбить раз и навсегда. Ведь когда пьешь «Джек Дэниелс», то потом опять хочется выпить, и это плохо, потому что человек в конце концов напивается допьяна. А у меня нет времени на такие глупости...

Язычок огня в последний раз лизнул полено, и оно превратилось в угольки, подернутые пеплом.

– Мисс Элла, а где моя мама?

Глядя на огонь, мисс Элла прищурилась.

– Не знаю, дитя...

– Мама Элла?

– Да? – отозвалась она, расшевеливая огонь железной кочергой и не отреагировав на то, что я назвал ее так, как она не велела себя называть.

– Почему папа всегда так на меня злится?

Она крепко меня обняла.

– Мальчик мой... Причина такого поведения твоего отца – не в тебе!

С минуту я сидел молча, наблюдая за раскаленной докрасна кочергой.

– Тогда, значит, он на вас злится?

– Не думаю...

– А почему же, – и я указал на свой левый глаз, – он вас ударил?

– Такер, мне кажется, что твой отец бранится и дерется из-за дружбы с мистером Дэниелсом, – и я кивнул, словно поняв, что она имеет в виду, – но, думаю, – продолжала она, – что он даже и не вспоминает потом об этом.

– Значит, «мистер Дэниелс» как успокоительные пилюли? Помогает забывать?

– Но не все и не навсегда...

Мисс Элла тихонько поглаживала пальцами мои волосы, и я чувствовал на лбу ее теплое дыхание. Она говорит, что, когда молится, тоже чувствует по утрам Божье дыхание. Ее всю оно так и окутывает! Не знаю, какое оно, Божье дыхание, но если как у самой мисс Эллы, то оно приятное, теплое, и мне тоже хочется его почувствовать.

– А вы можете сделать так, чтобы папа не очень злился?

– Такер, я готова на рельсы вместо тебя лечь, чтобы спасти, но мисс Элла не многим может тебе помочь, когда он злится...

Угасающие угольки иногда вспыхивали, и ее кожа казалась тогда светлее, и можно было рассмотреть синяк под ее правым глазом и небольшую припухлость.

Мисс Элла посадила меня поровнее, прижала к себе, погладила мне живот и улыбнулась:

– А знаешь, я иногда ночью вхожу в твою комнату, когда ты спишь, со свечой или фонариком.

Я кивнул.

– Понимаешь, дорогой, свет не спрашивает у тьмы, можно ли ему войти и прогнать ее, он и во тьме светит! Не надо просить тьму исчезнуть! Нужно просто взять свечу и нести ее перед собой – и тьма расступится. Она должна отступить, потому что там, где свет, – ей нет места!

И мисс Элла сжимает мою маленькую ладонь, которая пристроилась в ее большой ладони, словно в колыбели. Рука у нее морщинистая и вся в мозолях от бесконечных стирок, суставы пальцев распухли и кажутся непропорционально большими. Серебряное обручальное кольцо истерлось по краям. Моя рука маленькая, с веснушками, а под ногтями алабамская грязь. На указательном пальце змеится царапина, и когда я сжимаю руку в кулак, рана кровоточит.

– Такер, хочу вот что тебе сказать по секрету, – и она сжимает мою ладонь в кулак и подносит его к моим глазам, – жизнь – это война, но ты не должен пускать в ход кулаки, – и

она легонько постучала по моему подбородку моим же кулаком, а потом опустила мою руку мне на грудь, – сражайся в этой битве, но только с помощью сердца.

Мисс Элла снова прижимает меня к груди и громко выдыхает, словно желая сдуть с зубов прилипшую к ним кукурузную шелуху.

– Если, например, в крови не твои коленки, а твои руки, то, значит, твоя война – неправая.

– Мисс Элла, вы как-то непонятно говорите!

– В жизни, – и она дотрагивается до моего колена, – лучше пусть будет кровь вот здесь, а не здесь. – и она касается суставов на моей руке.

– Вы поэтому и мажете свои руки вот этим? – и я показываю на пузырек с лосьоном.

Сухость кожи была ее проклятьем или, как она это называла, – «данью сатане». Особенно кожа страдала, когда она работала на огороде или в поле после дождя.

– Вы почаще им мажьтесь, – советую я, но, поглаживая мою спину, мисс Элла улыбается, и морщины у ее глаз собираются в сетку.

– Нет, дитя, никакой лосьон уже не поможет, если каждый день стирать белье с содой и нашатырем.

– Мисс Элла, вы всегда будете с нами?

– Всегда, мальчик мой... – И она устремляет взгляд на огонь в очаге. – Мы с Господом никуда не собираемся!

– Не уйдете никуда и никогда?

– Никогда!

– Обещаете?

– Всем сердцем!

– Мисс Элла!

– Да, дитя?

– А можно мне сэндвич с ореховым маслом и вареньем?

– Дитя мое, – ответила она, прижавшись ко мне головой и поглаживая пальцами мою щеку, – гони любовь, издевайся над ней, плюй на нее, убивай ее, но она все равно, как бы жестоко с ней ни обращаться, – она, любовь, все равно победит!

В эту ночь, вопреки самым громогласным, пьяным, свирепым запретам Рекса, я свернулся клубочком рядом с мисс Эллоу и заснул. И только здесь, уткнувшись лицом в ее теплую грудь, впервые в жизни я проспал всю ночь напролет, ни разу не проснувшись от страха.

Глава 1

Проливные июльские дожди, каждый раз начинающиеся в три часа ночи и неизменные, как сияние солнца, сентябрьские ураганы, бушующие над Атлантикой, а затем удовлетворенно стихающие над побережьем, исчерпав свои водные ресурсы, – хотя, может, это вовсе не дожди, а слезы Создателя, которые он проливает над Флоридой, – одним словом, что бы ни происходило на небе и на земле, река Сент-Джонс есть и всегда будет душой нашего штата.

Сначала реку питают туманы юга, а затем, в отличие от всех прочих рек мира, кроме Нила, она поворачивает на север, набирая, по мере продвижения вперед, объем и протяженность. Выплеснувшись вширь и образовав таким образом озеро Джордж, подземные воды прорывают кристалльными источниками земную кору и направляют реку дальше, к северу, где она когда-то немало помогла развитию торговли, ремесел и жилой застройке своих берегов, в строительство которой вложили миллионы долларов, а также появлению города Джексонвилла, который прежде назывался Коровьим Бродом, потому что именно в этом месте коровы могли безопасно перейти реку вброд.

К югу от Джексонвилла русло реки заметно округляется до трех миль в ширину, и на ее небольших ответвлениях или притоках во множестве обитают старые моряки и члены давнишних рыболовных сообществ. Все это – хорошие люди, чьи рассказы так же затейливы и витиеваты, как сама река. В нескольких милях к юго-востоку от авиационно-морской базы, штаб-квартиры нескольких эскадрилий, состоящих из огромных, постоянно жужжащих четырехпропеллерных «Орионов П-3», извивается Джулингтонский ручей. Это нечто вроде небольшого речного рукава, устремившегося к востоку от основного течения реки. Рукав ныряет под магистраль государственного значения № 13, петляет под сенью величественных дубов и растворяется в грязи девственного флоридского чернозема.

На южном берегу Джулингтонского ручья, в окружении нескольких рядов апельсиновых и грейпфрутовых деревьев, расположена психиатрическая лечебница «Дубы», занимающая чуть более десяти акров черной, изобилующей червями, плодородной земли. Если упадок и развал чем-нибудь пахнут, то это тот самый запах. Эту грязь затевают своими раскидистыми ветвями могучие дубы, чьи искривленные сучья или простираются вперед, как руки, или тянутся в стороны, словно щупальца, и все они унизаны сотнями тысяч желудей – добычей жирных, суетливых, быстро снующих туда-сюда белок, зорко остерегающихся ястребов, сов и других хищных птиц.

В «Дубы» поступают тяжелые больные, когда родные уже не знают, что с ними делать. Если у безумия есть бездна, то вот она. Это последняя остановка перед сумасшедшим домом, хотя, по правде говоря, это и есть тот самый сумасшедший дом.

В 10.00 заступает на работу утренняя смена, но прежде все сорок семь обитателей лечебницы принимают положенные дозы многочисленных таблеток. Главное средство – литий, он основа основ, главный ингредиент всех назначений. Его прописывают всем пациентам, кроме двоих. Эти двое только что поступили в лечебницу и пока сдают анализы крови. Пристрастие к литию стало поводом для того, что лечебницу в шутку прозвали Литумвиллем – что казалось забавным, но только не самим пациентам. Большинство из них принимали утреннюю дозу лития № 1. Примерно четверть – это осложненные случаи – дозу № 2. И лишь горстке полагалась доза № 3, но это были пациенты с запущенной стадией, уходящая натура, «безнадежники», о которых говорят: «И зачем только они на свет родились?»

Все здания были одноэтажные, так что возможности случайно выпасть из окна со второго этажа не было. Главное здание лечебницы, Уэйджмейкер-холл, представляло собой полукруг с несколькими постами для дежурных медсестер, стратегически расположенными через каждые шесть палат. Здесь кафельные полы, стены с пейзажными зарисовками, тихая музыка и

жизнерадостный обслуживающий персонал. Всюду пахнет растиркой для мышц – успокаивает пациентов и приятно для обоняния.

Пациент палаты № 1 жил здесь уже пару лет. Ему было пятьдесят два года, и эта лечебница стала уже третьей на его счету. Все называли его компьютерщиком, поскольку раньше он был весьма одаренным программистом в органах государственной безопасности, однако все это программирование, как говорится, «вышло ему боком» или «ударило в голову» – и теперь он пребывал в уверенности, что у него вместо головы компьютер, который повелевает, куда идти и что делать. Этот пациент был раздражителен, желчен, и ему часто требовалась помощь персонала, чтобы прогуляться по коридору, поесть или найти дорогу в ванную, но он редко успевал сделать это вовремя или использовать для данной необходимости отведенное для подобных нужд помещение. Следует ли пояснять, какой от него исходил запах? Он то лез от злости на стенку, то впадал в кататоническую неподвижность, и ремиссий у него не наблюдалось уже длительное время. Он или гарцевал, или лежал пластом; или пребывал в реальности, или же за ее пределами. Или здесь, или там. «Да» или «нет». За первый год пребывания в лечебнице он не проронил ни слова. На лице застыла неизменная маска, но тело принимало странные позы, словно он вел какой-то нескончаемый, беззвучный разговор: то есть от человека с высочайшим когда-то уровнем интеллекта осталась лишь оболочка. Теперь были все основания предполагать, что он покинет «Дубы» прикрученным к носилкам, с одноразовым билетом в отделение, где стены обиты синими матрасами толщиной в четыре дюйма и откуда нет возврата.

Пациентке палаты № 2 было двадцать семь лет. Поступила она сюда сравнительно недавно и почти беспробудно спала от довольно внушительной дозы торазина. С ней не будет проблем ни сегодня, ни завтра, ни, очевидно, и в конце недели. Кто же станет психовать под такой дозой лекарства? Три дня назад ее муж постучался в двери лечебницы и попросил принять жену на лечение. Это случилось вскоре после того, как в маниакальном состоянии и уже в девятнадцатый раз, пленившись планом внезапного и грандиозного обогащения, она сняла с их семейного банковского счета 67 000 долларов и вручила их проходимцу, уверявшему, что он изобрел приспособление, удваивающее по мере езды количество бензина в баках. Незнакомец, не оставив расписки в получении денег, исчез в неизвестном направлении и, очевидно, навсегда.

Пациент палаты № 3 за три года, проведенные в лечебнице, трижды отмечал свое сорокавосьмилетие и сейчас у больничной стойки допытывался: «В котором часу начнется праздник?» А когда медсестра ничего не ответила, он стукнул по стойке кулаком и объявил, что, хотя за ним прибыл корабль, он никуда не поедет, а если она сообщит об этом Господу Богу, то он сразу помрет. Когда же сестра улыбнулась, он стал расхаживать взад-вперед, что-то бубня себе под нос. Вообще он всегда говорил быстро и стремительно, его мозг ежесекундно рождал самые блестящие идеи, но в животе все время урчало, поскольку он пребывал в убеждении, что именно через желудок пролегает дорога в ад, и он уже три дня ничего не ел. Пациент находился в эйфории, галлюцинировал на ходу и каждые пять секунд требовал, чтобы ему впрыснули в вену стакан клюквенного сока.

К 10.15 тридцатитрехлетний обитатель палаты № 6 еще не съел свой яблочный мусс. Вместо этого он, выглянув из ванной, с подозрением воззрелся на него. Пациент проживал здесь уже семь лет и был последним из тех, кому назначили литий в тройной дозе. Он знал все о литии, тегретоле и депакоте, но никак не мог сообразить, где персонал прячет еще 100 миллиграмм торазина, его ежедневную двойную дозу. Пациент был уверен, что они все время во что-то добавляют торазин, отчего в последние несколько месяцев у него все время в голове туман, словно с похмелья, но никак не мог догадаться – куда и во что! После его семилетнего пребывания в палате № 6 персонал мог с уверенностью утверждать, что циклические обострения повторяются у него 7–8 раз в году и что в это время он нуждается в умеренных дозах тора-

зина, которые назначают ему в течение двух недель. Это уже несколько раз объясняли пациенту, и он все понял, хотя само назначение ему не очень нравилось. А вообще-то он как будто уже приспособился к окружающей обстановке и выглядел моложе своих тридцати трех лет, а также других пациентов, попавших в лечебницу в более зрелом возрасте.

Правда, его темные волосы начали уже редеть, проступали залысины, а за ушами уже появилось несколько седых волосков. Чтобы скрыть – не облысение, а седину, – пациент стригся очень коротко, что совсем не нравилось его брату Такеру, которого пациент не видел уже семь лет с тех пор, как тот подвез его на машине ко входу в лечебницу.

Кличку свою пациент получил еще во втором классе, когда торопливо написал свое имя... Тогда мисс Элла усадила его за кухонный стол делать уроки, и ему очень захотелось похвастаться перед ней тем, что он уже может писать, как взрослый. И вот именно в тот самый день вместо «a» в своем имени Matthew он написал «u», и прозвище приклеилось к нему в школе навсегда. Над ним смеялись, тыкали в него пальцами и дразнили...⁴

Из-за смуглого оттенка кожи он решил, что его мать была испанкой или мексиканкой. Отец был коренастым и полным мужчиной с очень белой кожей, усыпанной родинками, Мэтт унаследовал эту предрасположенность.

Он перевел взгляд с подноса на зеркало и посмотрелся в него. Когда-то костюм так хорошо сидел на нем, а теперь стал мешковат и казался на номер больше. Он взгляделся в линию плеч, а может, они стали за это время уже? Сегодня он уже седьмой раз задавал себе этот вопрос, хотя за последний год Мэтт прибавил в весе три фунта⁵, но это все равно было меньше того веса, с которым он сюда поступил. А тогда он весил 175 фунтов. Его бицепсы, выпиравшие буграми, сохранив упругость, стали жилистыми. Теперь он весил 162 фунта, ровно столько, сколько и в тот день, когда они хоронили мисс Эллу. Его темные глаза и брови когда-то прекрасно сочетались со смуглым лицом. Теперь, когда единственным источником света для него были флюоресцентные лампы, Мэтт стал бледным. От бездеятельности руки его ослабли, а с ладоней давно сошли мозоли. Да, теперь из зеркала на него смотрел не вечно потеющий подросток, который некогда взбирался по туго натянутой веревке на вышку, чтобы прыгнуть оттуда в воду, или стремительно носился на лошади вокруг столба, держась за веревку одной рукой... А воду он любил, и вид, открывающийся с вышки, тоже, и волнение, которое он испытывал при скачке, и гул насоса, наполняющего водой бассейн с высоты двадцати футов. Он подумал о Такере, вспомнил о его зеленых, как вода, глазах. Он любил слушать его спокойный, уверенный голос, но сейчас среди голосов, звучащих в голове, голоса Такера не было.

Он вспомнил об амбаре, о том, как орудовал занозистой деревянной битой и как с годами задняя стена амбара продырявилась, словно швейцарский сыр. И как они купались в котловане и, сидя на пороге вместе с мисс Эллой, поглощали сэндвичи с ореховым маслом и вареньем, бегали днем по высоким скирдам сена и взбирались в безоблачные, лунные ночи на крышу Уэверли Холл, чтобы сверху окинуть быстрым взглядом мир, расстилавшийся под их ногами. Эти воспоминания заставили его улыбнуться, что было странно, если учесть историю этого места. Он вспомнил массивные стены из камня и кирпича, влажную известку, которая их скрепляла, трещины между камнями, наполненные водой; черную черепицу, похожую на рыбу чешую, что покрывала крышу, каменные чудища на башнях, изливающие изо рта воду во время дождей, и медные водосточные желоба, охватывающие дом, как и дымоходы. Он вспомнил о входной двери из дуба толщиной в четыре дюйма и медном молотке, по форме напоминавшем львиную голову, который можно было поднять только двумя руками, о высоких расписных потолках и о четырехрядном металлическом карнизе, увенчивавшем стены; о полках в библиотеке, забитых книгами в кожаных переплетах, которые никто никогда не читал, и

⁴ Mutt (англ.) – кобель.

⁵ Фунт = 453,6 грамма.

лестницу на колесиках, на которой можно было переезжать от одной полки к другой. Вспомнил глухой стук подошв по выложенным плиткой или мрамором полам, обеденный стол с позолотой, вмещавший по тринадцать человек с каждой стороны, и ковер под ним, который семья из семи человек ткала двадцать восемь лет. Вспомнил о копоты печных труб на чердаке, где он держал игрушки, и о крысах в подвале, где Рекс разместил свои вещи, о хрустальном канделябре, громоздком и огромном, словно капот «Кадиллака», дедовских часах, которые всегда спешили на пять минут и сотрясали стены в семь утра оглушительным боем. Вспомнил и о веревочных койках, на которых они с Такером сражались с крокодилами, индейцами, капитаном пиратского корабля и ночными кошмарами. Он снова увидел, словно воочию, длинные винтовые лестницы, и как они с Такером скатывались вниз по широким, гладким перилам и вдыхали кухонные запахи, наслаждаясь теплом, исходящим оттуда. И еще о том, что сердце его никогда не чувствовало себя одиноким и несчастным: ведь на свете существовала мисс Элла, тихонько напевающая песенку, когда чистила три серебряных прибора и скребла, встав на колени, полы красного дерева или мыла окна.

Наконец, он вспомнил о той ненастной ночи, и улыбка сошла с его лица. Он думал о том, что наступило после, об отчужденности, с которой держался Рекс, и его практически постоянном отсутствии. Он думал о множестве лет одиночества, когда он чувствовал себя в безопасности только в пустых вагонах поездов, спешащих вперед-назад по Восточному побережью. Потом он вспомнил о похоронах, о долгом пути из Алабамы, и как Такер тогда подвез его к лечебнице и ушел, даже не попрощавшись.

Нет, он не мог подобрать слова к этим событиям, не мог ни с чем сравнить свое состояние, хотя слово *брошенный*, пожалуй, подходило. Рекс воздвиг между ними постоянный, непостижимый, неосызаемый барьер, и это его, Мэтта, ранило больше, чем можно было представить, несмотря на упования мисс Эллы, ее объятия, ее внушения и уговоры. Клинок кровной розни оказался обоюдоострым. Они с Такером разошлись, похоронили все общие детские воспоминания, а со временем и всякую память друг о друге. Рекс одержал победу.

В одной из своих проповедей добра мисс Элла, сидя в качалке, как-то сказала, что если гневу дать волю, то он навсегда угнездится в сердце и задушит ростки жалости и справедливости. И она оказалась права, потому что гроздь гнева созрели. Теперь душа Мэтта была словно окована стальным панцирем неприятия. И то же произошло с Такером. Мэтт стал плохим, а Такер, возможно, еще хуже, чем он. Так столетний плющ, который прежде защищал скалу от непогоды, потом разрушает свою каменную опору.

В первые полгода, проведенные Мэттом в лечебнице «Дубы», лекарства на него действовали совсем незначительно, поэтому врач прописал ему электрошоковую терапию. При таком воздействии пациентов сначала накачивают седативными средствами, чтобы расслабить мышцы, а потом используют электрические разряды – и так до тех пор, пока судорога не сведет большие пальцы ног, пациент не закатит глаза и не обмочится. Предполагается, что электричество действует быстрее, чем лекарство. Случай с Мэттом доказал, однако, что некоторые душевные раны так болезненны и глубоки, что электричество бессильно: они все равно не заживают. Вот еще и по этой причине Мэтт смотрел с подозрением на яблочный мусс. Он, конечно, не испытывал желания снова оказаться притороченным к койке электродами и с катетером между ног, но так как его паранойя обострилась, персоналу оставались лишь два способа ввести лекарство ему в организм: яблочный мусс по утрам и шоколадный пудинг вечером. Врач знал, что Мэтт обожает и то и другое, и поэтому усмирить этого пациента не составляло большого труда. Но – так бывало до сих пор.

Кто-то наполнил яблочным муссом чашку, пристроил ее на уголок подноса и посыпал мусс корицей, которая еще не успела смешаться со всем содержимым. Мэтт огляделся по сторонам, взглянул на потолок. Скоро войдет Вики, длинноногая молодая медсестра в короткой

юбочке. У Вики испанские глаза, черные как смоль волосы, и она любит играть в шахматы. Вики помашет ложкой перед его носом и тихо скажет: «А ну-ка, Мэтт, съешь вот это...»

Мэтт воспитывался в семье, которая в собственном саду выращивала яблоки и собственноручно готовила яблочный мусс – его любимое лакомство в детстве. Мисс Элла готовила его каждую осень, используя разные ингредиенты, иногда, например, добавляла в яблочное пюре заранее заготовленные консервированные груши, а также – чуть-чуть корицы или ванильной эссенции, но она никогда не использовала какую-то неведомую добавку, а здесь ее смешивали с корицей, поэтому мусс мисс Эллы нравился Мэтту гораздо больше.

Из окна Мэтт мог видеть три городские достопримечательности: Джулингтонский ручей, Джулингтонскую лодочную станцию и черный вход на рыбный рынок Кларка. А если высунуться из окна подальше, то увидишь и реку Сент-Джонс. Несколько раз в году персонал лечебницы арендовал гину – разновидность каноэ с квадратной кормой, которое нельзя было перевернуть или утопить. Лечебница иногда арендовала эту посудину и устраивала для больных короткие прогулки по воде, а потом возвращала каноэ владельцу, который ласково именовал больных «моими психушниками».

Искоса поглядывая на чашку, Мэтт высунулся из окна еще дальше и снова поразился тому, как много нападало желудей, а сколько же их накопилось здесь за эти семь лет – «миллион, наверное», – пробормотал он, глядя на еще один, который, падая, стукнулся о подоконник и заставил пискнувшую белку спрыгнуть в траву за добычей. Мысли его затуманивались – обычное воздействие пилюль. Так же действовала на него и тишина, и Мэтт иногда отдал бы все на свете и согласился бы на любое медицинское вмешательство, лишь бы утихомирить бурное мельтешение мыслей.

Он оглянулся, еще раз удовлетворенно отметив, что стены его палаты не обиты матрасами. Он еще не достиг последней стадии болезни, а значит, можно еще надеяться: то, что он находился в психиатрической лечебнице, не означало, между прочим, отсутствия способности рассуждать. Помешательство не лишило его сообразительности. Он не глупец! Иногда он может рассуждать очень здраво, просто пути его мышления извилистее, чем у здоровых людей, и поэтому он не всегда приходит к тем же умозаключениям, что и они.

В отличие от других пациентов его, например, не требовалось предупреждать об опасности: зачем он влез на лестницу, как бы не упал! Еще бы! Он ведь давно научился сохранять равновесие, когда, например, бешено мчался на лошади. И существует же способ вырваться отсюда и «перепрыгнуть», словно в скачке, через эту «пропасть»... Здешние пациенты могут заглянуть в бездну, могут оглянуться назад, но, чтобы перепрыгнуть, надо расправить крылья воли и совершить большой, затяжной прыжок. Однако большинство здешних никогда этого не сделает: слишком болезненным будет падение, если перепрыгнуть не удастся... Слишком многое надо для этого сделать и преодолеть в себе, но ведь можно ничего и не предпринимать... Мэтт знал и о таком варианте.

Существует еще один способ вырваться отсюда живым: сидя крепко связанным и накачаным тирозином в дальнем углу машины «Скорой помощи». Но Мэтт ни разу не видел хоть одного-единственного пациента, который бы на своих ногах выходил из главного подъезда – все покидают это здание как гулливеры, только привязанные не к маленьким колышкам, а к носилкам. Мэтту часто приходилось слышать гудки машин и наблюдать, как санитары тяжело ступают по выложенным плиткой полам. Колеса каталок скрипели по гравию, входные двери то и дело открывались и закрывались, когда кого-то вывозили в холл и выписывали, а потом гудели автомобильные сирены, потому что автомобили торопились проскочить на зеленый свет.

Мэтту не хотелось все это пережить на собственном опыте по двум причинам. Во-первых, он не любил, когда оглушительно воют сирены. У него всегда от этих гудков болит голова. А во-вторых, потому, что он будет скучать по своему единственному верному другу, Гибби.

Гибби, известный в широких кругах медицинского мира как доктор Гилберт Уэйджмэйкер, был здешним врачом-психиатром, и ему исполнился уже семьдесят один год. У него были седые волосы до плеч, легкая походка, очки с круглыми стеклами, напоминавшими доньшки бутылок из-под кока-колы, криво сидевшие на носу, чересчур длинные ногти с черной каймой под ними. Обычно он расхаживал в сандалиях, из которых торчали большие пальцы ног. Помимо работы у него была еще одна страсть – он любил ловить рыбу «на звук», и, если бы не бейдж на белом халате врача, Гибби легко можно было бы принять за пациента. Однако именно благодаря ему большинство больных избегало участи быть вынесенным из главного подъезда на носилках.

Семнадцать лет назад недовольная им санитарка повесила на дверь его кабинета клочок картона, на котором торопливо нацарапала: «врач-страхолюдина». Гибби прочел, снял очки, еще раз тщательно изучил текст, улыбнулся, кивнул и вошел в кабинет. Через несколько дней он вставил картонку в рамку и повесил ее на дверь своего кабинета. С тех пор она там и висела. Год назад ему была присуждена премия «За достижения в науке». Присудило ее Американское общество таких же «страхолюдин»-врачей числом в 1200 человек. В благодарственной речи он упомянул о больных и заметил: «Иногда я сомневаюсь, кто из нас безумнее – я или они», а когда смех аудитории утих, добавил: «Вероятно, рыбак видит рыбака издалека». Когда однажды один журналист настойчиво попросил его прокомментировать использование в некоторых случаях электрошоковой терапии, он ответил: «Сынок, не вижу смысла в том, чтобы психопату так и оставаться на всю жизнь психопатом лишь по той причине, что тебе неохота использовать всю совокупность средств и возможность их благотворного влияния на организм, касается ли это электрошока или некоторых лекарств. Хорош пудинг или нет, можно судить, только попробовав его, и если ты попадешь ко мне в лечебницу “Дубы”, я обязательно тебя им накормлю».

Несмотря на то, что некоторые методы лечения спорны, как, кстати говоря, и многие лекарственные препараты – и по этой причине врачи иногда отказываются использовать их как чересчур сильнодействующие, – Гибби осуществлял такую практику уже сорок лет и мог бы похвастаться значительным числом случаев, когда помогал самым тяжелым больным вернуться практически к нормальному существованию. Он возвращал детям отцов, женам – мужей, родителям – детей. Однако ему казалось, что этих счастливых случаев слишком мало: ведь в лечебнице по-прежнему полно пациентов, и Гибби продолжал работать, не расставаясь, впрочем, с шестиметровой «звуковой» удочкой.

Это благодаря Гибби, в частности, Мэтью Мэйсон все еще жил на свете и разумно рассуждал – хоть и не всегда. Другой причиной стал источник коллективной памяти, воплощением которого была мисс Элла Рейн...

С того самого времени, как семь лет, четыре месяца и восемнадцать дней назад Мэтт поступил на излечение в «Дубы», доктор Гибби очень близко к сердцу принимал этот клинический случай. Иногда ему не хватало профессионального умения, но желания помочь всегда было в избытке.

А Мэтт теперь нередко слышал голоса. Иногда они замолкали, но чаще звучали, и сейчас, в 10.17 утра, когда он смотрел на перекресток, голоса болтали очень оживленно. Он знал, что яблочный мусс заставит их умолкнуть, но весь этот год Мэтт стремился, как говорится, запастись мужеством и отказать себе в яблочном муссе, перепрыгнув через бездну соблазна.

– Может, сегодня мне это и удастся, – сказал он, глядя, как двое юнцов на водных лыжах мчатся по ручью к реке. Вскоре вдогонку устремилось белое суденышко почти шестнадцати футов длиной и мощностью в пятнадцать лошадиных сил, оно стремительно заскользило по лону вод. Мэтт внимательно пригляделся к судну: по бокам – отверстия для удочек, ведра с бело-красной наживкой, мотор жужжит, и двое мальчишек в оранжевых спасательных жилетах замерли в ожидании. Суденышко двигалось со скоростью двадцать узлов в час. Дул сильный

встречный ветер, теребивший их рубашки и жилеты, но не волосы, потому что на головах у мальчишек – туго натянутые бейсбольные кепки. Они закрывают уши и коротко стриженные волосы. Сзади восседает отец. Одной рукой он держится за руль, другая – опущена в воду, чтобы контролировать ее уровень, наклон суденышка. Наверное, отец хочет контролировать и поведение своих мальчишек. Вот он замедлил ход, повернул к берегу и стал пробираться между зарослями кувшинок в поисках открытого пространства, достаточно большого, чтобы забросить туда удочки с наживкой из червей и личинок.

Мэтт снова проследил за ними взглядом, когда они уже шагали под его окном по слабо колышущейся траве между пеньками, оставшимися от вырубленных кипарисов. Но вот они прошли, звук шагов стих, и вода в лужах снова замерла. Мэтт сел на край постели и начал размышлять: а каково было выражение их лиц – отца и его сыновей? И удивился: не тому, что они выражали, но, скорее, отсутствию всякого выражения! Ни страха, ни раздражения...

...Да, лекарства даруют только наркотический покой, заглушают голоса, усыпляют боль, но почти не влияют на коренную причину того или иного душевного состояния. Мэтт знал, что лекарства не смогут заглушить голоса насовсем. Он всегда это знал. Главное тут – время.

Иногда он поступал так же, как поступали другие: он подходил к забору лечебницы и старался познакомиться с новыми людьми, протягивая им руку. Трудность заключалась в том, что люди оказывались не очень-то доброжелательными.

Однажды Гибби, когда Мэтт прожил в лечебнице уже неделю, спросил:

– Вы считаете себя сумасшедшим?

– Разумеется, – отвечал Мэтт, не слишком удивившись этому вопросу. Возможно, именно такой ответ и привлек к нему внимание Гибби, и врач начал с особенным интересом относиться к Мэтью Мэйсону. В средней школе Мэтью сначала поставили такой диагноз: «шизофрению не наблюдается». Потом появился другой: «страдает от биполярности шизоидного характера». Позже дали о себе знать психопатия, маниакально-депрессивные состояния, рецидивирующая параноидальность, а потом и параноидальность хроническая. Откровенно говоря, Мэтт представлял собой сочетание всех этих диагнозов и в то же время не мог служить классическим примером ни для одного из них. Как разные перемежающиеся течения в речушке, что протекала за его окном, болезнь то отступала, то продолжала прогрессировать в зависимости от того, какие голоса звучали громче и какие воспоминания превалировали. Кстати, Такер и Мэтт реагировали на голоса памяти по-разному.

Гибби вскоре понял, что Мэтт не является типичным шизофреником с маниакально-депрессивным психозом, жертвой тяжелого посттравматического стресса и навязчивых, неуправляемых состояний полного душевного расстройства. Гибби уяснил это после приключившегося с Мэттом длительного периода абсолютной бессонницы, продолжавшейся целую неделю, когда он расхаживал по коридору в 4 утра, бодрствуя, как днем. Из-за этого он мог стать агрессивным, воинственным и, возможно, даже покушаться на самоубийство, но Гибби зорко за ним следил и не допускал этого.

На восьмой день Мэтт одновременно разговаривал с восемью голосами, которые старались друг друга переспорить, как это бывает в телевизионных дебатах. На девятый Мэтт показал на свою голову, произнес «ш-ш-ш», приложил указательный палец к губам и написал на клочке бумаги: *«Голоса. Я хочу, чтобы они замолчали. Все-все, до единого»*.

Гибби прочитал записку, с минуту разглядывал почерк, а потом, тоже письменно, ответил: *«Мэтт, я тоже этого хочу. И мы справимся, но прежде, чем мы от них отделаемся, надо узнать, какие из них говорят правду, а какие врут»*.

Мэтт прочел записку. Мысль ему понравилась. Он оглянулся направо-налево и кивнул. И все последующие семь лет Мэтт и Гибби занимались тем, что отделяли правдивые голоса от лживых. За все это время они обнаружили лишь один, который говорил правду.

Тридцать раз в день, например, один из голосов твердил Мэтту, что у него грязные руки. Когда Мэтт только-только поступил в лечебницу, Гибби стал следить за тем, как он пользуется мылом, потому что долго не мог понять, почему оно так быстро исчезает. Кое-кто из персонала даже предполагал, что Мэтт его ест, и у него отобрали самое антибактериальное, которое Мэтту особенно нравилось. Однако камера видеонаблюдения опровергла эти домыслы, и Гибби вздохнул с некоторым облегчением.

Не только руки Мэтта блистали чистотой. Его комната тоже была безупречна: нигде ни малейшего пятнышка, а рядом с постелью красовались четырехлитровые кувшины с содой, дегтярным жидким мылом и раствором марганцовки, а также там были коробки с резиновыми перчатками и четырнадцать рулонов бумажных полотенец, что составляло двухнедельный запас моющих и гигиенических средств.

Гибби не сразу разрешил Мэтту держать все это в палате, но, совершенно уверившись, что пациент отнюдь не собирается смешивать коктейли из моющих средств, Гибби просто завалял его средствами гигиены, поэтому вскоре палата Мэтта могла стать примером для самых чистоплотных семейств, желающих наставлять своих чад и домочадцев в благом стремлении к порядку. Увы, вопреки надеждам Гибби, что подобное поведение Мэтта окажет благотворное воздействие на обитателя соседней палаты, тот, пациент с пятилетним стажем пребывания в лечебнице, однажды забрел в комнату Мэтта и по привычке опорожнил кишечник в корзину для мусора.

Чистоплотность Мэтта не знала границ: если у него в палате что-нибудь красили, то потом он обязательно соскребал всю краску. Была ли причиной тому навязчивая идея, достойная описания в учебнике по психиатрии, или просто потребность занять чем-то руки и мысли, Гибби точно так никогда и не узнал. С помощью двухсот литров растворителя Мэтт удалил краску, отделку и грязь со всего, что было в комнате. Если его или еще чья-нибудь рука дотрагивалась или же могла дотронуться, сейчас или в отдаленном будущем, до какого-нибудь предмета или поверхности в его комнате, Мэтт, не покладая рук, наводил у себя беспредельную чистоту. Если он к чему-нибудь прикасался, значит, этот предмет нуждался в очищении, поэтому на уборку и наведение порядка он тратил почти целый день. Все, до чего касаются руки, все-все должно быть подвергнуто самой тщательной процедуре чистки, и не только сама эта вещь, но и все, что было или лежало рядом с очищаемым предметом, и, конечно, близлежащее пространство, и даже более отдаленное. Покончив с уборкой, нужно было отмыть до блеска и то, чем чистишь и убираешь! Он так неистово стремился к чистоте, что тщательно мыл перчатки, в которых убирался, прежде чем выбросить их. Он тратил на уборку уйму бумажных полотенец и перчаток, и санитары, наконец, купили ему индивидуальный бак для мусора и выдали ящик пластиковых вкладышей для плинтусов, чтобы под них не подтекала вода.

Цикл такого маниакального стремления к чистоте был довольно длителен, хотя все же не настолько навязчив и жесток, как те душевные пути, что прежде лишали его воли к действию. Заключение в четырех стенах палаты Мэтт был надмирен, как Млечный Путь, и так же, как он, свободен.

Иногда Мэтта целиком захватывала какая-нибудь проблема или идея, и всю следующую неделю он старался ее решить, прежде чем им овладеет другая, и в подобных случаях Гибби затруднялся решить, является ли подобное состояние болезненным или же Мэтт таким образом пытается заставить себя не думать и не вспоминать о прошлом. Если судить по большому счету, то есть с точки зрения универсума, то какая, в конечном счете, разница? Но на всем протяжении цикла Мэтт мало ел и совсем не спал. Наконец он совершенно обессилел от истощения и заснул, а когда проснулся, то уже ни о чем не думал, кроме еды, и заказал жареные креветки, кукурузные хлопья, картофель фри по-французски и сладкий чай, фирменный кларковский напиток. Поднос со всеми этими яствами Гибби собственноручно принес ему в постель... Так складывалась в лечебнице жизнь Мэтта, и, насколько можно было судить, она

обещала, что его душевное состояние может измениться к лучшему. Доводы в пользу этого диагноза были исключительно практические. Разобрав на части автомобильный мотор, карбюратор, дверной замок, компьютер, велосипед, револьвер, генератор, компрессор, вентилятор или еще что-нибудь в том же роде, состоящее из множества деталей, он самостоятельно находил путь к исцелению, снова соединяя разобщенные части в нечто нужное и полезное. За несколько минут, или за день, или за неделю он мог разобрать цельный предмет на мельчайшие детали и все их разложить на полу палаты без всякого порядка, а потом только он, единственный, мог в этом беспорядке разобраться и обнаружить некую систему в хаосе. Затратив еще час, или день, или неделю, Мэтт снова превращал хаос в порядок, возвращая вещи ее предназначение и заставляя ее действовать.

Сначала Гибби заметил эту счастливую способность, когда Мэтт починил будильник. Как-то он опоздал на еженедельное обследование, и Гибби пришел к нему, чтобы узнать, в чем дело. Мэтт сидел на полу в окружении многочисленных деталей. Потеря была невелика, будильник стоил всего восемь долларов, и Гибби, попятившись к двери, тихонько удалился без единого упрека: слава богу, с Мэттом все в порядке, он трудится, он занят делом, активизирующим мозговую деятельность, и, по-видимому, находит в своем занятии удовольствие. Гибби решил зайти к нему через несколько часов, что и сделал. Мэтт спал, а будильник, как положено, стоял на прикроватной тумбочке, показывая точное время, и должен был через полчаса зазвонить. Так и произошло. С тех пор Мэтт стал признанным мастером на все руки и главным специалистом «Дубов» по механической части. Двери, компьютеры, электрические приборы, всякие механизмы, автомобильные моторы – все, что не работало, приводилось им в порядок. Скучные подробности починки Мэтту совершенно не казались скучными. Все напоминало ему разгадку пазла. Однажды утром, придя на осмотр к Гибби, Мэтт увидел, что тот чинит, вернее, пытается усовершенствовать спиннинг, который купил в очень престижном магазине. Им владела пара солидных, хорошо информированных дельцов, продававших товары высокого качества по очень выгодным для себя ценам. Гибби приобрел у них дорогой спиннинг фирмы «Клаузер», тот самый, что приспособлен для ловли красного окуня в поросших водорослями запрудах реки Сент-Джонс. Мэтт некоторое время с явным интересом наблюдал за его попытками, но несколько минут спустя Гибби, не сказав ни слова, уступил ему место, надел белый халат и отправился проведать пару-тройку пациентов. Вернулся он спустя полчаса и увидел, что Мэтт успешно справляется с порученным делом – рядом лежит раскрытый справочник, а Мэтт срисовывает картинки-инструкции. Через несколько месяцев Мэтт привел в надлежащий порядок все рыболовные принадлежности Гибби, и тот стал с завидной регулярностью ходить на рыбалку, чего прежде не наблюдалось. Однако главным достижением Мэтта, не считая успешной починки механизмов, часов и спиннингов, было умение приводить в порядок струнные инструменты: да, это был настоящий талант! Сама по себе игра его совсем не интересовала, но настройщиком он оказался превосходным. Чего бы ни касались его руки – скрипки, арфы, гитары, банджо, – любой струнный инструмент становился первоклассным, и особенно – пианино. Обычно работа продолжалась несколько часов, но по истечении требуемого срока каждая струна пела, словно жаворонок в небе: верно, чисто и мелодично.

* * *

Мэтт услышал муху прежде, чем заметил ее. Его слух перестал реагировать на все другие посторонние звуки, а взгляд неотрывно следил за полетом насекомого. Он наблюдал, нахмурившись, как она кружит над его яблочным муссом. Как это нехорошо! Мухи – разносчики всяких бактерий и микробов! Может быть, он сегодня тоже не отказался бы от мусса, а может, сразу выплеснул бы содержимое чашки в унитаз, но вот никак не может на это решиться! А ведь через час и двадцать две минуты появится Вики в блестящих колготках, ладно обтягивающих

ее ноги, юбочке до колен и в мохеровом свитере, окутанная ароматом духов тропической розы. Она войдет и спросит, съел ли он мусс. Мэтту уже исполнилось тридцать три года, но он никогда не был в близких отношениях ни с Вики, ни с какой-нибудь другой женщиной. Однако ему нравится слышать, как шуршат при ходьбе ее нейлоновые колготки. Нет, этот звук не вызывал у него никаких похотливых вожелений, но однажды, внезапно, он привел в действие механизм памяти, словно кто-то вдруг нажал на спусковой крючок. И в смуте стершихся в памяти полу-воспоминаний-полуобразов он снова ощутил, когда зашуршал нейлон, как чьи-то маленькие, но сильные ручки обнимают его и крепко прижимают к теплой груди, и вытирают его слезы, и он слышит чей-то шепот. Поэтому во второй половине дня Мэтт обычно укладывается на пол около двери, как солдат-конфедерат времен войны Севера с Югом ложился на рельсы перед приближающимся поездом. Вот так Мэтт прислушивается к нейлоновому шелесту, пока Вики обходит других больных... А двадцать пять упаковок резиновых перчаток, четыре весомых рулона бумажных полотенец и полгаллона дезинфицирующих средств всегда наготове.

Вот шаги приближаются. Женские каблуки стучат по стерильно чистой плитке пола, сопровождаемые характерным шуршанием нейлонового белья, соприкасающегося с нейлоновыми же колготками.

– Мэтт? – это вошла Вики, и он высовывает голову из ванной, где уже отмывает подоконник. – Опять видел муху? – спрашивает Вики, заставая его в пыли уборки.

Мэтт кивает, а Вики осматривает поднос.

– Да ты опять ничего не ел? – Мэтт кивает, а в ее голосе слышится сочувствие, а не только любопытство. – Ты, миленький, здоров? – и она поднимает чашку. Мэтт снова кивнул. В голосе Вики уже звучат и материнская забота, и дружеское участие. Вики сейчас так похожа на старшую заботливую сестру, приехавшую домой из колледжа на каникулы. – А может, миленький, принести на десерт что-нибудь другое? – спрашивает она все более сочувственно, помахивая чайной ложкой и вопросительно приподнимая брови.

«Вот здорово!» – думает Мэтт, и он почти готов съесть весь мусс и даже ложку облизать. Ему нравится, когда она вот так разговаривает с ним. Однако ему по-прежнему не хочется пробовать яблочный мусс, и он отрицательно качает головой и продолжает отмывать подоконник.

– Ладно, как хочешь, – говорит Вики и кладет ложку на поднос. – Но что же принести тебе на десерт к обеду?

Мэтт удивлен ее реакцией.

– Может, хочешь чего-нибудь особенного?

«А вдруг мне это особенное тоже не понравится?» – думает Мэтт. Но, может быть, он ошибается? Может, они ничего лишнего и не подкладывают в яблочный мусс? Но если так, то куда же? И, вполне возможно, он уже съел эту «добавку»!

– Мэтт? – шепотом окликает его Вики. – Так чего тебе хочется на десерт, сладенький мой?

Это слово ему тоже очень нравится, и он внимательно разглядывает ее пухлые темно-красные губы и то, как подрагивают их уголки. Как у нее округло и заманчиво прозвучало это слово, «сладенький», и Мэтт внимательно разглядывает едва заметные тени под ее глазами. Вики опять заговорщически приподнимает брови, словно сообщает большой-большой секрет, который навеки должен остаться между ними:

– Я могу заскочить в «Трюфели»!

Значит, бросила косточку, на которой еще есть кое-где мясо. «Трюфели» – шоколадный бар, что в нескольких милях от лечебницы, и кусок торта там стоит восемь баксов, но он такой большой, что его хватило бы на четверых. И Мэтт снова кивает: да, ведь это шоколадное пирожное с малиновым сиропом!

– О'кей, дорогой, – улыбается Вики и поворачивается, чтобы уйти. – Встретимся через час в игровой?

И снова он кивает в ответ и смотрит на шахматную доску. Вики – единственная во всей лечебнице, кто может надеяться сыграть с ним, Мэттом, в шахматы, хотя, если уж говорить откровенно, она тоже играет не очень-то хорошо, и он может объявить ей мат через шесть ходов, но часто объявляет только через десять-двенадцать, а иногда и через двадцать. Перед тем, как передвинуть очередную фигуру, Вики постукивает ногтями по зубам, все возбужденнее двигает ногами под столом, а колени, икры и щиколотки в нейлоновых колготках все слышнее трутся друг о друга, и он, устремив сосредоточенный взгляд на доску, чутко прислушивается к шелесту, доносящемуся снизу.

Вики уходит, а Мэтт приближается к подносу, на котором она оставила ложку. Он поднимает ее и начинает тщательно оттирать бумажной салфеткой, пропитанной жидкостью для мытья посуды, шесть раз меняя салфетку, пока ложка, по его мнению, не становится вполне чистой. Через час, наведя в палате стерильную чистоту, он выходит в коридор с шахматной доской под мышкой. По дороге в игровую он сует пятикилограммовую пластиковую сумку с мусором в большой серый бак. Этот бак тоже надо бы как следует почистить, но ведь его ждет Вики, так что баку придется подождать.

Мэтт входит в игровую и видит Вики. Да, после игры надо будет помыть и шахматы, все-все, до единой фигуры, но игра с Вики этого стоит, хотя бы даже потому, что она снова станет комментировать процесс игры и шуршать, а он будет прислушиваться.

* * *

В 17.00 Мэтт закончил уборку: он заправил постель, тщательно протер шахматы, промыл от пасты зубную щетку, почистил кнопки на радиоприемнике и на боксерских перчатках. Он опять искоса взглянул на шоколадное пирожное в густом малиновом сиропе. Вокруг пирожного теснились тарелки с ростбифом, зеленым горошком и картофельным пюре. Голоса звучали все громче – значит, в том, что давали на завтрак, торазина не было, поэтому, как бы Вики ни отрицала, его подсыпали в яблочный мусс. Мэтт опустил на колени и тщательно еще раз осмотрел картофельное пюре: интересно – там есть что-нибудь? Он семь лет послушно глотал все лекарства, которые ему прописывали, поэтому его самого удивляла собственная подозрительность. С ним происходило что-то новое, совершался какой-то процесс, чего не было длительное время. Даже то, что он так старательно обдумывает проблему – есть ему яблочный мусс или пирожное, – сводило с ума, если не считать того факта, что он и так уже помешанный.

Наконец Мэтт подошел к окну и выглянул: его взгляд упал на черный ход ресторана Кларка. Дул юго-западный ветер, и Мэтт услышал запах рыбы с жареным картофелем, ощутил вкус сырных палочек и словно воочию увидел запотевший от холода стакан чая со льдом. Мэтт сильно проголодался, а его желудок, не то что у пациента, буянившего у стойки администратора, пребывавал не в аду, а там, где ему и положено, и весьма прозаически урчал, напоминая, что он уже сутки лишен элементарной земной пищи.

Однако, невзирая на голод, Мэтт не набросился на еду, но взял поднос в руки и обнюхал каждую тарелку, а вкусовые рецепторы на языке при этом наводнили рот обильной слюной. Потом, держа поднос на вытянутых руках, он прошествовал в туалет, аккуратно соскреб в миску содержимое со всех тарелок, вывалил все в унитаз и нажал кнопку спуска. И, пока шумела вода, голоса просто выли от радостного возбуждения. Через час к нему впорхнет Вики. Она возьмет поднос и упорхнет снова, как ни в чем не бывало. Но как бы она ни порхала, она все равно уже все знает, благодаря камере внутреннего наблюдения. Да, Вики знает почти все, но Мэтт не может остановиться. У этого поезда нет тормозов. И Мэтт снова поглядел на магазин Кларка. Там, у черного входа, – зал. Посетителей полно. Коричневые бутылки посверкивают боками, как рождественские огоньки, в руках у официантов огромные подносы с тарелками – восемь-десять на каждом. Официанты снуют между столиками, на которых громоздятся

горы еды. В воде около дока плавают несколько разгоряченных мальчишек, которые только что припарковали свои моторные лодочки на некотором расстоянии от жующей публики – достаточно, чтобы публика могла этими лодками полюбоваться, но не касаться их. Там немало прогулочных яхт и рыболовных шхун, ожидающих своей очереди подняться вверх или спуститься вниз по течению речного рукава, они отчаянно гудят. Мэтт уже знал, что даже когда гудки утихнут, Гибби схватит свой шприц с лекарством, и поисковая команда отправится ловить беглеца, но никто не заподозрит, что причина волнения – он, Мэтт. У него будет достаточно времени.

Он быстро-быстро схватил свой рюкзак, прошел по коридору в кабинет Гибби и взял листок липкой бумаги со стола. Он также схватил небольшой мешочек с крючками и несколько катушек с нитками. Затем Мэтт открыл верхний ящик бюро, стащил пятьдесят долларов из ящичка с деньгами и, нацарапав записку, прикрепил ее к настольной лампе. Записка гласила: «Гибби, я тебе должен пятьдесят долларов плюс проценты. М.» Если уж он отправляется в путешествие, то ему понадобится что-нибудь такое, чем можно занять голоса, ведь они любят шахматы и липкую бумагу. Вернувшись к себе, он поднял оконную раму, окинул прощальным взглядом свою комнату и высунул из окна правую ногу. На пункте охраны зажегся сигнал тревоги, если раму открывали больше чем на четыре дюйма, но Мэтт уже шесть лет назад устранил эту помеху: он любил спать ночью с открытым окном. Запахи, звуки, легкий ветерок – все это так напоминало ему прежнюю, домашнюю жизнь. Потом он перекинул через подоконник левую ногу и глубоко вдохнул свежий воздух. Сентябрьское солнце опустилось к горизонту, и через час на небо, как раз над черным ходом ресторана Кларка, взойдет уже октябрьская луна. Ступня коснулась земли, и он сломал куст азалии, но она ему не нравилась с тех самых пор, когда в прошлом году ее здесь посадили. Да от одного ее вида у него начиналась чесотка! И еще на нее слетались пчелы, так что он, улыбаясь, второй раз наступил на азалию и поддал землю ногой. Пробежав половину лужайки, поросшей зеленой травой, он вдруг остановился, как пораженный смертельным разрядом молнии, и сунул руку в карман... Неужели забыл? Он обыскал пальцами один брючный карман – все какие-то бумажки, и тревога охватила его сильнее. Он обыскал оба кармана, и тревога сменилась паникой, от которой подкашивались ноги. Он торопливо сунул левую руку в левый передний карман. И там, в уютной глубине среди марлевых салфеток, пальцы нащупали *это*: круглое, гладкое, неизменное, оно там и лежало с того самого первого дня его учебы во втором классе, когда мисс Элла подарила ему *это*. Да, вот так, в безопасной темноте кармана *это* и лежало с тех пор, и он погладил *это*, коснувшись выгравированных букв кончиками пальцев, затем погладил обратную сторону *этого*, гладкую и словно чуть-чуть маслянистую от долголетнего пребывания в кармане. Покончив с поисками и успокоившись, он снова бросился бежать со всех ног. Он раньше много бегал, но последние несколько лет оставил это занятие. В первый год пребывания в «Дубах» он ходил солдатским строевым шагом, громко стуча каблуками, – побочный эффект чересчур большой дозы торазина. Под влиянием таблеток через несколько дней у него из-под ног начала уплывать земля. По счастью, Гибби уменьшил дозу, и его походка стала более уверенной.

Мэтт пробрался через лужайку, прошел между кипарисами, обильно поросшими зеленым мхом, к уже не освещенному солнцем, запятнанному чайками доку. Позади было тихо, никакой беготни и шума. Если никто его не увидит, он, возможно, успеет добраться до воды и осуществить все задуманное.

Мэтт нырнул в теплую, солоноватую манящую воду Джулингтонского ручья. Коричневая вода окутала его словно одеялом и – странная вещь – пробудила воспоминания о прежних счастливых днях. Он нырнул еще глубже, а потом, услышав шум реактивного самолета, выждал несколько секунд и вынырнул на поверхность.

Глава 2

В 1.58 мигнул световой сигнал. Он известил, что бензин на исходе. Лампочка осветила кабину пикапа и заставила оторвать почти остекленевший взгляд от дороги. Я взглянул на цифру, указывающую на количество оставшегося горючего. «Да вижу я, вижу...» Я мог бы проехать еще миль пятьдесят на остатке, хотя это означало еще пару часов за рулем, но мне очень хотелось восстановить силы чашечкой хорошего кофе.

Я предпочитал ездить по своим рабочим делам ночью, но в последние три дня просыпался очень рано и не спал допоздна. Служебные обязанности завели меня в Южную Флориду, где надо было сфотографировать старого охотника за крокодилами для восьмистраничного разворота в одном из журналов общенационального значения. По какой-то причине этот журнал, «Америка трэвел», еще только собирался отказаться от слайдов, чем я и занимался, и перейти к цифровой фотографии. Да, я могу заниматься и тем и другим, но, честно говоря, когда снимаю для удовольствия, то отдаю предпочтение слайдам.

Я совсем выбился из сил от долгой езды. Взглянув в зеркало, я увидел свои усталые глаза с красными прожилками, точно такими же, какими на дорожных картах обозначают повороты и развязки. Влажные от пота пряди длинных волос, которые я не стриг уже семь лет, прилипли к воротнику. А не стриг я их в знак несогласия с окружающим миром. Когда я в последний раз приезжал домой повидаться с мисс Эллой, она погладила меня по щеке и сказала:

– Дитя, в твоём лице всегда был свет, грешно прятать его под такими лохмами. Не гаси свой свет, слышишь?

А может, зеркальце отразило тот факт, что на смену свету уже пришли сумерки?

Неделю назад позвонил мой агент, доктор Снейк Ойл:

– Так! У тебя три дня свободных. Приезжай сюда, поснимай с вертолета, как его владелец сражается с парой больших крокодилов, а потом можно будет пропустить в свое удовольствие несколько стаканов холодного пива, слопать пару порций крокодильего хвоста и пополнить свой банковский счет на пять сотен баксов.

Док помолчал – наверное, затянулся, как всегда, сигаретой без фильтра, которую, казалось, не выпускал изо рта весь день-деньской. «Пять сотен баксов» он произнес очень громко – и многозначительно замолчал.

Мне нравился этот прокуренный голос. В нем звучала приятная хрипотца курильщика с очень солидным, сорокалетним стажем. Док выдохнул дым и добавил:

– Это будут такие же каникулы, как месяц назад. Правда, погорячее. Есть шансы, что удастся еще раз продать права на снимки, так что еще раз получишь гонорар. Кроме того, жителям Флориды нравится, когда какой-нибудь дурак сует голову в крокодилью пасть.

Все это звучало соблазнительно, так что я покинул свой дом в Клоптоне, штат Алабама, и поехал во Флориду, где шумный, неугомонный шестидесятидвухлетний Уайти Стокер вскоре пожимал мне руку. Бицепсы Уайти были словно каменные, подбородок как у настоящего боксера-призера, и он не испытывал ни малейшего страха перед крокодилами, а также и незаконной продажей спиртного с кормы своего «суденышка». Мы встретились с ним поздним вечером, и он выглядел как шахтер, набредший вдруг на золотую жилу.

– Значит, не возражаешь? – спросил он.

– Делай, как считаешь нужным, – ответил я.

И он *поступил* в соответствии с моим советом.

Через три дня мы – а точнее, Уайти – поймали семь крокодилов. Самый большой был двенадцать футов и восемь дюймов длиной.

Но этим дело не ограничилось. Мы продали двенадцать ящиков пива в бутылках без этикеток. Мы продавали его всем: от приземистых парней с четырехдневной щетиной на щеках

и нервным, бегающим взглядом, снующих вокруг в пятиметровых каноэ, до пузатых модников в капитанских фуражках, с золотыми часами на руках, управляющих большими, сигарообразными прогулочными яхтами стоимостью в двести тысяч долларов. Уайти очень хорошо разыгрывал роль неотесанного флоридского простака, но сумел войти в процветающий бизнес как незаменимый, единственный в своем роде производитель и дистрибьютор спиртного, монополизировав рынок и загнав в угол всех конкурентов. Уайти сумел добиться финансового благополучия, отгоняя от богатых вилл и площадок для гольфа крокодилов, досаждавших владельцам еще до того, как ненасытные твари съели собачку одного из богачей, которая любила плавать в лагуне. Уйдя в отставку, он жил припеваючи и любил поразглагольствовать о своих талантах: «Да, я могу заработать тысячу баксов в неделю. И так живу с конца 80-х».

В каком-то смысле он был счастливым дураком. Но дураком своеобразным. Его завтрак состоял из чашки очень крепкого черного кофе, процеженного через плотный чулок, свисающий с одежной вешалки, с двумя столовыми ложками специальных, «кофейных», сливок. А чулок он использовал в этом случае как самый лучший фильтр, не пропускающий никаких твердых частиц. Второй завтрак состоял из двух кусков «чудодейственного хлеба», смазанных горчицей, и куска болонской колбасы, сопровождаемых колбой и сладким пирожком. Зато обед был традиционно фундаментальным. Самое лучшее он, таким образом, оставлял напоследок. Пять вечеров подряд Уайти без рубашки, не пользуясь никакими репеллентами, зажигал давно бывшую в употреблении и довольно грязную плитку, стоявшую на полке как раз над дверным порогом черного хода – скользкого, будто «смазанного соплями». Показав на плитку, он заметил: «Она все время скатывалась набок, так что я прикрутил ее к доске проволокой». Конфорка, когда он ее зажег, издала рев, будто снижающийся реактивный самолет. Каждый вечер Уайти, используя застывший за день жир, бросал на сковородку несколько больших кусков крокодильего хвоста, которые предварительно вымачивал в пахте, пиве и луизианском соусе с четырьмя горстками черного перца. Несмотря на то, что он сам любил поговорить, на этот раз Уайти, так сказать, расстелил красную дорожку для гостя. Сочетание холодного пива, москитов, жареного крокодильего хвоста, острого соуса, лягушачьего хора, а также ворчанья, издаваемого крокодилами во время брачных соитий, увенчавшееся стремительным путешествием на машине – 60 миль в час, – стало весьма удачным способом освобождения из плена противоречивых чувств.

Я при первой же возможности свернул с западной дороги 1–10, тронул тормоза и сконцентрировал внимание. Рядом со мной лежала грязная, с темно-коричневыми жирными пятнами, бумажная сумка с еще тремя кусками жареного крокодила, а за сиденье Уайти втиснул два кувшина с настойкой, приготовленной им по «лучшему рецепту». «Вот здесь, – сказал он на прощанье, словно немецкая официантка на празднике Октоберфест, рекламирующая лучшее пиво, – то, что спасает от всех напастей». Однако на эти сосуды стоило бы наклеить ярлыки со словами: «Осторожно: в высшей степени огнеопасно». Я не очень большой любитель выпивки, но отказаться у меня не хватило духу, так что, направляясь на север, я три раза нарушил законодательство, перевозя спиртное через границы.

Никогда я не был и прожорливым идиотом. Моя любимая еда – это бобы в стиле «ранчо», кукурузный хлеб и сардины. Большинство парней, когда путешествуют, обычно останавливаются в каком-нибудь приятном ресторанчике и заказывают бифштекс, а иногда довольствуются фастфудом и чем-нибудь тонизирующим. Поймите меня правильно. Я люблю и то и другое, но мало на свете существует еды, которая может сравниться с бобами в соусе «ранчо» и кукурузным хлебом, который макаешь в подливку, или сардинами под горячим луизианским соусом вместе с пачкой солоноватого крекера. Я бы все это, при отсутствии микроволновки или плиты, съедал бы и в холодном виде.

Да, это простецкая еда, довольно грубоватая, но она доставляет мне настоящее удовольствие и, невзирая на то, что соленая, практически не вредит здоровью. У выезда на главную

дорогу № 73 я увидел притулившуюся бензоколонку с единственным насосом и объявление в окошке: «Бесси. Все услуги». В окошке мигали неоновые лампочки, рекламируя все имеющиеся сорта пива. Сбоку торчало едва заметное объявление о продаже лотерейных билетов и еще одно, извещавшее: «Открыто 24 часа в сутки». Внутри небольшой телик показывал коммерческую программу. Сейчас был час драгоценностей, и на экране красовались две руки, демонстрирующие дырчатый браслет и серьги ему под стать. Снизу, в левом углу экрана, можно было прочитать: «За 4 небольших взноса по 99,95 долларов».

За кассой, воззрившись на экран, сидела низенькая, но невероятно толстая женщина, ухмыляясь, словно гиена. В каком-то неестественном драматическом негодовании она запрокинула голову и нажала на пульт. Экран моментально преобразился: теперь на нем раздавался звук автоматных очередей и вспыхивали взрывы, а красивый темноволосый британец поправил галстук и посмотрел на часы фирмы «Омега. Морские хронометры» с голубым циферблатом. Экран опять вспыхнул и возвестил: «Через минуту программа 007 снова будет вместе с вами». Женщина швырнула на стойку пульт и снова сунула руку в уже наполовину опустевший пакет с беконом.

Очевидно, сначала Бесси продавала дизельное топливо, но тогда почему за бензозаправочной станцией виднелась глубокая двойная борозда? Под насосом стоял большой пластиковый переполненный мусорный ящик, а вокруг него теснились груды отходов, превышавшие его содержимое. Цементное покрытие пола было заляпано грязными лужами, правда, некоторые были поспешно присыпаны песком или чем-то, напоминающим моющее средство. На металлической стойке висел диспенсер для туалетной бумаги, но кто-то стащил спусковой механизм, и щель, в которую подается очередная порция бумаги, теперь была затянута паутиной. Да и сама бумага, конечно, отсутствовала. Перед бензоколонкой стоял облезший автомат для кока-колы, но над всеми кнопками горело слово «Пусто», что красноречиво подчеркивалось и семью пулевыми отверстиями посередине. Направо виднелась тяжелая цепь: она висела вдоль гаража, на которой висело еще одно объявление, «Закрывается», и цепь тяжело вздрагивала каждый раз, когда за его дверью раздавался громкий лай. На двери красной краской было выведено объявление: «Наплюйте на собаку. Берегитесь хозяйки», а внизу шрифт помельче предупреждал: «Осторожно! Ротвейлер». Я подъехал к стоянке и припарковался позади явно не соответствующего окружающей обстановке «Вольво» с нью-йоркским номером. Вид у него был такой, словно его только что купили в перворазрядном автомобильном салоне. Сверху виднелись складная антенна и сияющие черные подставки, а к ним был прикреплен маленький грязный велосипед из хрома с шишковатыми шинами и запасными колесами; велосипед предназначался для активного пятилетнего ребенка.

Я выключил мотор и вышел. Не могу объяснить своей привязанности к дизельным автомобилям или грузовикам, но и те и другие что-то для меня значат – этот низкий, утробный звук мотора, щелканье бензобака под высоким давлением, шуршание сдвигающихся с места шин и встряска всего твоего существа. Возможно, мне это напоминает вождение трактора.

Бесси окинула меня одним быстрым взглядом с ног до головы. То, что она увидела, никак нельзя назвать впечатляющим. Я худ и тонок в кости, около шести футов роста, со светлыми волосами до плеч. Мне тридцать с небольшим, подтянут, но уже со следами усталости на лице, да и во всей фигуре. Я был в джинсах, закапанной соусом трикотажной рубашке с коротким рукавом и в кедах. Я зевнул, потянулся и повесил на плечо свой «Кодак». После девяти лет нашего знакомства он стал почти неотъемлемой частью тела, чем-то вроде аппендикса.

– Эй, красавчик, – пропела Бесси, нажав кнопку интеркома.

Я взмахнул рукой в знак приветствия.

– Если что требуется, то дай знать!

Я опять помахал, уже повернувшись, а она наклонилась вперед и грузно оперлась на прилавок, чем подчеркнула тяжесть своей груди. Наверное, по привычке.

Я открыл дверцу «Доджа», взял кошелек, а собачий лай из громкого стал оглушительным, пес, наверное, уже брызгал слюной от ярости. «Молчать, Максимус!» Но собака не обратила на окрик ни малейшего внимания. Я включил газ, и дощечка со словом «Закрывается» застучала на двери, словно от порыва ураганного ветра, а собака быстро забежала между входной дверью и гаражом, стуча когтями и просовывая нос в узкую щель под дверью, она совсем не обращала внимания на команды хозяйки.

– Максимус, не заставляй меня прибегать сам знаешь к чему, – заорала Бесси изо всех сил, – сейчас раздавлю эту чертову кнопку, если не уймешься.

Если Максимуса когда-нибудь дрессировали, то он давно об этом позабыл и продолжал яростно лаять, а я принялся накачивать горячее в бензобак, одновременно поглядывая и на дверь гаража, и на дверцу машины.

Все больше раздражаясь, женщина метнула в рот горсть бекона, стряхнула крошки с груди и схватила другой пульт, лежавший на прилавке, с маленькой антенной и красной кнопкой, наставила его на гараж и медленно надавила один раз на красную кнопку указательным пальцем. Лицо ее растянулось в улыбке, но взгляд по-прежнему был прикован к экрану.

За дверью послышался звук прыжка, собака взвизгнула и, очевидно, опрокинула емкость с водой, потому что я услышал стук, словно на пол обрушилось что-то тяжелое, а из-под входной двери вытекло галлонов пять воды. Максимус, теперь жалобно поскуливая, стал жадно лакать воду. «А я ведь предупреждала тебя, глупый ты пес», – взревела женщина, брызгая слюной и непрожеванной едой, а за дверью раздавался все тот же скулеж. Бензин, наверное, был на исходе, потому что из насоса текла тонкая струйка, а точнее, из него капало. В такт капанью раздавалось медленное тиканье счетчика – было ясно, что процедура займет немало времени. Я закрыл втулку и осмотрелся в поисках моющего средства, чтобы смыть со стекол брызги. Не найдя ничего подходящего, я развернул шланг для полива и направил струю на ветровое стекло и решетку радиатора. Максимус тем временем уже немного успокоился, хотя по-прежнему что-то вынюхивал под дверью и жадно лакал воду.

Залив последний, тридцать четвертый галлон бензина, я услышал тихое журчанье и, оглянувшись, увидел тонкую желтую струйку, вытекавшую из-под двери...

Обходя кучи грязи, я вошел в лавочку, о чем известил висевший над порогом колокольчик – такие вешают на шею коровам.

– Добрый вечер, – поздоровался я с хозяйкой. Не отрывая взгляда от экрана с агентом 007, она взмахнула рукой:

– Привет, миленький. Не обращай внимания на Максимуса, он сюда не прорвется, а если все-таки сделает это, то я ему задницу отстрелю.

Всыпав в рот еще горсть шкварок, она махнула рукой влево:

– Туалет занят. Если тебе нужно срочно, то у черного хода есть еще один.

– Нет, спасибо. А кофе свежий? – спросил я, увидев на стойке кофейник.

– Сладенький мой, – и она вытаращила глаза, – здесь ничего свежего не бывает, но если подождешь минут пять, я сварю специально для тебя.

Сняв грелку-колпак с кофейника, я понюхал содержимое:

– Нет, мэм, не надо. Этот вполне сгодится.

– Ну, тогда наливай...

Я налил чашку, поставил ее на стойку и увидел, скосив глаза, мальчугана, который расхаживал около полки со жвачкой. На голове у него, задом наперед, была нахлобучена красная бейсбольная кепка, а на ремне висели два игрушечных шестизарядных кольца. Обут он был в выдавшие виды ковбойские сапожки: наверное, снимал их только на ночь.

– Эй, дружок, это твой велосипед там, на авто?

Маленький ковбой неспешно кивнул: он старался не рассыпать пригоршню жвачки, которую заграбастал походя, и в то же время хотел, наверное, утаить ее от того, кто все еще скрывался за дверью туалета.

– Хороший у тебя велосипед, – похвалил я. У мальчика были чудесные голубые глаза.

Ребенок снова молча кивнул и взял еще пакетик жвачки.

– Да, – сказал я, взглянув на часы, – я тебя понимаю: я тоже скорее всего устал бы на твоём месте. Нам обоим уже давно пора видеть сны.

Мальчик опять взглянул на дверь туалета и снова кивнул. И тут из-за двери раздался тихий женский голос.

– Джейс? Жди меня и никуда не уходи. И можешь взять одну жвачку.

Мальчик снова посмотрел на дверь туалета и, запустив руку на полку со жвачкой, вытащил большую упаковку – штук двадцать, не меньше, а в карманах у него было уже полно желтых, синих и красных упаковок, так что некоторые посыпались на пол.

– Это все? – спросила Бесси, не оборачиваясь, а когда она все же встала, ей потребовалось для этого немало усилий и времени. Ростом она была примерно метра полтора или чуть выше, а весила, очевидно, килограмм сто двадцать, из-за чего казалась поперек себя шире. На вид ей было лет сорок пять, и румяна уже не могли замаскировать морщины – свидетельства прожитых ею лет. При малейшем движении раздавался звон ее металлических украшений, такой, наверное, издавала бы рождественская елка, если бы могла передвигаться. На шее у Бесси блестело чуть не с десяток ожерелий, а на каждом запястье – примерно столько же браслетов. На пальцах сверкали кольца, на некоторых по две-три штуки. Одетая она была в пропотевшую красную безрукавку, причем лифчик отсутствовал, и в шорты из лайкры. Туго натянутые и прозрачные, они пытались опоясать ее талию, и лифчик при таком наряде явно бы не помешал, чтобы подтянуть грудь. Стена за ее спиной была сплошь упакована пачками сигарет, жевательного табака и порнографическими журналами. Рекламный листок возвещал: «Эластичные трусы – то, что надо, и я сама в этом убедилась».

– Приветик, мой сладкий!

– Вы поздно вато открываетесь, – заметил я.

– Милый мой, да мы всегда открыты. Все уик-энды! Все праздники!

Бесси слегка откинула голову назад и, мило улыбнувшись, протяжно пояснила:

– Мы ведь оказываем все услуги! – и, помолчав, осведомилась: – Хочешь, чтобы сменили топливо?

Ее интонация, однако, подсказывала, что имеются в виду вовсе не автомобильные нужды.

– Нет, мэм, спасибо! У меня в этом отношении все в порядке, но хотелось бы выпить кофе и, если есть, не помешала бы плюшка с корицей.

Рядом с кофейником висело еще одно объявление: «Чашка со льдом – бесплатно. Плевательница – 1 доллар». Когда я отвернулся, чтобы его прочитать, Бесси навалилась на стойку всей своей тушей, словно самка кита в телепередаче «Морской мир»:

– Знаешь, смех да и только, но все здешние очень любят жевать лед.

Стены в магазинчике были зеркальные, так что было видно, как она подтянула вверх безрукавку, вытерла рот, схватила тюбик губной помады, лежавшей на кассовом аппарате, и наложила на губы два жирных слоя темно-красного цвета.

– Оно и видно.

Откинувшись назад, Бесси внимательно оглядела мою фотокамеру:

– Большая! – и трижды попрыскала себя двумя разными духами, а потом поднесла к лицу зеркальце и, выпятив губы, словно для поцелуя, тронула их слегка и розовой помадой. – А ты все время носишь с собой эту штуку?

– Да, я редко куда-нибудь езжу без нее.

– Ха, да ты тот еще живчик, – и она хлопнула себя по колену, отчего жирное бедро затряслось, как желе. – Понимаешь, о чем я?

Я улыбнулся, внимательно ее разглядывая: да, она жила стремительно, без оглядки, но ей приходилось несладко, все доставалось с трудом, и эта бензозаправка была единственной ее опорой в мире.

– Да, вроде того.

– А тебе не тяжело повсюду таскать свою камеру?

– Да ко всему привыкаешь, как, например, к очкам. Я и думать об этом позабыл.

Женщина опять перегнулась через стойку:

– Ты, значит, фотограф или кто-нибудь вроде того?

Маленький ковбой уселся на пол рядом с полкой и сунул в рот сразу три пластинки жвачки, бросив фантики на пол. Теперь он с трудом мог закрыть рот, в уголках которого пузырилась розовая слюна.

– Я часто фотографирую по работе, но в остальные дни снимаю для собственного удовольствия.

– Понимаю, – и женщина кивнула, – расскажи еще что-нибудь об этом, а то теперь большинство покупателей ходят с фотоаппаратами. Всякими: большими, маленькими, тридцатимиллиметровками, цифровыми, а у некоторых даже есть кинокамеры. Я всяких навидалась, разных форм и размеров, – и она мотнула головой, – а есть такие, которые на треноге, но вот эта, – и, упершись рукой в бедро, другой она указала на мою фотокамеру, – эта очень хорошая. Сколько же она стоит?

Я снял фотокамеру с плеча и продемонстрировал ее хозяйке:

– Ну, скажем так: вам пришлось бы продать уйму галлонов бензина, чтобы купить вот такую. Вот, взгляните!

– Дорогуша, – Бесси вскинула голову, поглядев на меня снизу вверх, – я продаю не только бензин, много чего повидала, но вот как действует эта штука – невдомек. Да я сама чувствую себя так, будто меня все время снимают.

Я снова надел ремень от фотокамеры на плечо.

– Ну, значит, все в порядке, – и я потянулся за булочкой с корицей.

Пока ее рука машинально скользила по грязным кнопкам кассового аппарата, мальчуган на цыпочках прокрался у меня за спиной поближе. Бесси значительно взглянула на меня, и я тоже скосил глаза на мальчишку, шепнув ей:

– Я тоже когда-то так же любопытничал.

Она улынулась и уселась поудобнее, а я поставил кофе, блюдце с булочкой и жестянку с бобами на стойку:

– Давайте я расплачусь за все это и за бензин...

Но Бесси, вытянув шею, наблюдала за тем, как мальчуган исподтишка коснулся спусковой кнопки на камере, и я разглядел на ее тройном подбородке капельки от духов. Так мы и стояли в молчании, когда в ушах у меня зазвучал голос:

«Послушай, дитя, она ведь тоже Божье создание со всеми своими потрохами, так что не суди только по внешнему виду. Господу Богу все равно, как она выглядит. Он все равно проникнет в ее душу и в наши души тоже, и сделает это любым путем. Прими эту женщину такой, как она есть. И лучше сними очки».

– Да, мэм, – кивнул я и подумал, что мисс Элла вот уже пять лет как умерла, но все равно осталась рядом.

Если нажать на кнопку быстрой перемотки, то исчезает десять кадров в секунду. Добавьте к этому тот факт, что я никогда не отключал свою камеру совсем. А это означало, что когда мальчишка изо всей силы нажал на кнопку перемотки, словно запускал в космос ракету, половина катушки исчезла за одну секунду. Столь стремительное развитие событий испугало

маленького ковбоя, и он вздрогнул, словно наступил на любимую лягушку и раздавил ее. Я присел рядом на корточки и заглянул ему в лицо, раздувшееся от непомерного количества жвачки за щеками и запачканное липкой розовой слюной. Лицо это выражало ужас. И одновременно такой же глубочайший восторг. Я поднес камеру к его рукам и прошептал:

– Раз мы с тобой это все начали, значит, должны все и закончить. Теперь, когда будешь тыкать пальцем, поддержи его на кнопке подольше, и сосчитай до двух. Действуй как в прошлый раз, давай, вперед!

Мальчишка просто онемел от волнения. Весь красный, с прилипшей к зубам жвачкой, поняв, что ему предстоит совершить некое замечательное действие, он лишь кивнул и, пробормотав невнятное «да, фэр», осторожно приложил палец к камере, словно читал текст по системе Брайля. Когда он наконец нащупал кнопку, его глаза радостно вспыхнули, будто он наткнулся в коробке на последнее печенье.

И он нажал!

За три с половиной секунды перед нами промелькнуло тридцать шесть хорошо отснятых кадров. Мотор остановился, а потом катушка начала автоматически разматываться в обратную сторону. Мальчик отшатнулся, сунув руки в карманы, и осмотрелся, словно ожидая удара.

– Порядок, – шепнул я ему, – а теперь мы его снова запустим. Смотри!

Мальчуган наклонился вперед, гоня языком жвачку между щеками, что требовало некоторых усилий, – и стал внимательно слушать. Перемотка остановилась, и я открыл заднюю стенку, вынул пленку и заправил конец. Я проделал знакомую мне процедуру в десятитысячный раз, но теперь в присутствии своего юного приятеля:

– Вот, держи-ка. Ты хорошо со всем справился на первый раз, и мы сейчас посмотрим вот в этот маленький глазок и выберем то, что захочется снять.

Держа игрушечный кольт в одной руке, а в другой пленку, маленький ковбой посмотрел на нее так, словно это была его лягушка, которую я воскресил. Я похлопал его по плечу, а женщина за кассой объявила:

– С тебя ровно сорок семь долларов!

– А за это? – и я указал на кофе и булочку.

– Нет, медовый мой, кофе за мой счет, и булка тоже, да она и черствая совсем. И бобы эти гадкие бери задаром. Я ведь заработала на бензине. И не говори, что кофе был хороший!

Она взглянула на мальчика и взмахнула короткой жирной рукой:

– А ты, парнишка, ноги в руки, валяй отсюда вон через ту дверь, пока не поздно.

Мальш испуганно поглядел на нее, потом на дверь туалета, сунул пленку в карман и со всех ног бросился к двери, за которой его матушка уже, наверное, отмывала руки. Из его кармана при этом выпали четыре полоски жвачки и множество разноцветных фантиков.

– Спасибо, Бесси, – прошептал я и, взяв стакан с кофе, булочку и жестянку бобов, направился к выходу.

– Миленький, – оглянулась она, – ты всегда заезжай, когда бензин потребуется. В любое время, первый галлон будет бесплатно. И камеру не забудь!

Я толкнул задом дверь, прозвенел коровий колокольчик, висевший на обветшавшем шнуре, и хозяйка тут же уткнулась в телевизор, но, снова взглянув на мальчика, подняла телефонную трубку и, не глядя в книжку, набрала восьмизначный номер:

– Привет, Джордж, это Бесси. Мне хочется еще один браслетик, номер 217. Оставь для меня.

И в тот же момент в нижнем левом углу под телевизором, где помещался счетчик, появилась строка: «Звони: осталось двадцать три минуты».

За время моего пребывания у Бесси поднялся сильный ветер, небо затянули облака, скрыв октябрьскую луну. Стало заметно холоднее. Эта ночь, 4 октября, была еще все-таки довольно теплой, термометр, наверное, показывал градусов десять. Я посмотрел на небо, вдох-

нув влажный воздух – приближался дождь, – и подумал, что диктор, объявлявший погоду, не ошибся. Да, дождь будет обязательно. А может быть, и ураган.

К счастью – хотя одновременно и к сожалению, – я знал, что такое ураган. Пять лет назад, сразу после похорон мисс Эллы, Док направил меня на неделю к ученым из НАСА, которые изучали природу ураганов, бушующих на кукурузных просторах Среднего Запада. Ученые из той команды были, подобно мне, молоды, очень энергичны и наивны, как легендарный Пекос Билл⁶, мечтавший укротить ветер с помощью лассо. Мы все подружились. Возможно, что даже чересчур: они из-за наших посиделок потеряли багажный фургон стоимостью в миллион долларов, да и все мы весьма пострадали. Когда, утихая, ураган задел амбар над подвалом, где мы спасались, тот исчез с лица земли. Одна грязь и только – вот что от него осталось. Я в тот момент одной рукой закрывал крышку люка, а в другой держал фотоаппарат, и в результате я раздробил запястье, сломал несколько ребер и заработал огромный шрам над правым глазом, который потом на снимке выглядел довольно красноречиво. И рана, и последствия были серьезными, так что я надел на глаз повязку и целый день провел в ожидании худшего.

Когда Док в Нью-Йорке получил снимки, он немедленно разместил их в Интернете, и через несколько дней они появились на обложках трех ведущих американских журналов, включая «Тайм» и «Ньюсуик», и еще в семнадцати газетах Среднего Запада. А «Ридерс дайджест» даже прислал в мой подвал своего корреспондента из Лондона, раздражительного, угрюмого новозеландца, автора ста пятидесяти красочных историй, чтобы он потом поведал читателям обо всех ужасающих подробностях случившегося. Через месяц, когда я стоял в очереди в магазине, то из бегущей строки телевизионных новостей узнал, что его рассказ о моем приключении занял первое место в списке подобных печатных материалов, опубликованных в Соединенных Штатах. Это сделало меня известной фигурой в газетном мире, но, если честно, я обязан своей популярностью прежде всего Доку. Когда я дома залечивал свои раны, он мне позвонил:

– Сынок, я занимаюсь этим бизнесом сорок лет и многое повидал, но ты просто настоящий счастливчик! Ты, правда, еще не самый лучший мастер, но можешь им стать. Не знаю, каким образом тебе это удастся, но ты управляешься с камерой почти как волшебник. Это уже на грани искусства, и ничего лучше я пока не встречал!

Однако, если бы он знал всю правду, то не слишком бы удивлялся. О да, я снимал и, может быть, постоянно в этом деле совершенствовался, но если бы ему стало известно, что в это время происходило в моей голове, то, может, он не так сильно удивлялся бы.

Я повесил трубку и в тишине снова услышал голос мисс Эллы:

«Ты даже не думай об этом, не позволяй себе бахвалиться. Кому многое дано, с того многое и спросится».

«Да, мэм».

Я опять обогнул лужу и сел в свой грузовичок, положив камеру на сиденье – в тот самый момент, когда восемнадцатиколесный автофургон повернул к парковке, прогудел и подался назад. Еще одна заправка! Бесси взглянула вверх на это великолепное творение рук человеческих, и ее пальцы запорхали по кнопкам кассы.

В красной бейсбольной кепке, туго натянутой на уши, из туалетной комнаты наконец-то вышла мать мальчугана. Она подобрала с пола обертки от жвачки и положила на стойку вместе с пакетом от инжира и парой бутылочек из-под содовой. Кепки у матери и сына были одинаковые. Окна машины запотели, и я не мог как следует разглядеть женщину, но одно не вызывало сомнений: мать и сын были не похожи.

Я вставил ключ зажигания, подождал, пока прогреется мотор, и отмахнулся от мисс Эллы, которая начала цитировать из Нового Завета.

«Нет, мэм, я возвращаюсь домой».

⁶ Герой американской сказки. (Прим. ред.).

Бесси смела со стойки мусор и заковыляла к черному ходу, а я снял крышку со стакана кофе, прислушиваясь к тому, как Максимус пытается что-то выскрести из-под металлической двери.

Отпив большой глоток кофе, я почувствовал, как тепло согревает мне горло и желудок, но Бесси права: кофе, конечно, ужасный, хотя кофеин там все-таки присутствует.

Нажав на газ, я рванул с места, повернул на север и вскоре, слыша только шелканье спидометра, снова стал думать о том, о чем размышлял в последние три дня. Вообще-то я думал об этом постоянно вот уже девять месяцев, и эта мысль оттесняла все остальные, опережая их, с какой бы скоростью я ни мчался на машине, летел на самолете или спасался от нее бегом. После девяти бурных лет жизни на дорогах – а я каждый год проводил в пути сорок недель – я побывал в сорока пяти странах, став обладателем весьма потертого паспорта. Я перенес с десятков прививок от дизентерии, малярии и тропической лихорадки, отснял десятки тысяч снимков, обеспечил фото для сорока семи американских и международных журналов, сделал бесчисленное количество фотоиллюстраций для множества газет по всей стране и теперь думал, как со всем этим покончить. Как вывести свою камеру из этой игры. И навсегда! Этот наркотик больше не действовал на меня. Как выразился однажды врач Гибби, я находился «за пределами эффективного воздействия данного лекарства». Я должен был бы предвидеть такой финал, ведь то же самое я уже испытал с игрой в бейсбол. Разумеется, в том случае подействовала травма, именно поэтому я перенес расставание с игрой легче, нежели можно было предположить, однако правда остается правдой: большая часть лекарств, если принимать их достаточно долго, действуют с течением времени все слабее и, наконец, перестают помогать вообще. С той поры, как я доставил Мэтта к порогу лечебницы, в которой работал Гибби, я, между прочим, уже и сам вполне познал воздействие разнообразных наркотиков.

Где-то в пути, под сенью сосен, в мои дорожные размышления снова вторглась мисс Элла:

«У меня только один вопрос!»

– О'кей, но только пусть он будет один-единственный.

«А кого тебе напоминает тот мальчик на заправке?»

– Так я и знал, что вы меня об этом спросите!

«Такер, я задала тебе вопрос!»

– Ну, я слышал!

«И не груби мне! Кого же напоминает тебе этот мальчик?»

Сосны обступили дорогу с обеих сторон, и казалось, что я еду по глубокому и мрачному ущелью.

– Он напоминает мне меня!

«Да, именно тебя!»

Я поправил вентилятор и повернул руль:

– Но все же есть разница!

«В чем же она состоит?»

– Я все же кое-что сделал для этого мальчугана в красной кепке. То, чего Рекс никогда не делал для меня.

«И что же это такое?»

Мысленно я снова увидел встреченного мальчишку: кепка задом наперед, рот набит жвачкой, из карманов сыплются разноцветные обертки, ладони плотно лежат на блестящих рукоятках двух кольтов, коленки в ссадинах, на правой щеке грязное пятно. Но еще у него были большие любознательные глаза: ну самый настоящий мальчишка, и, между прочим, красивый.

– Я сделал так, что он улыбнулся.

С минуту мисс Элла хранила молчание, раскачиваясь взад-вперед в кресле-качалке возле горящего очага, с пледом на зябнущих ногах, а потом произнесла:

«Да, и это была улыбка благодарности».

У перекрестка я свернул на дорогу, ведущую к дому, до которого оставался только час езды. Дорога шла вверх по холму. От бензоколонки я уже отъехал миль на десять. В зеркальце заднего обзора я заметил «Вольво», который мчался по скоростной дороге.

Глава 3

На северном берегу Джулингтонского ручья, на покрытых ракушками сваях, вбитых в илистое дно, расположен Кларковский плавучий кемпинг: домики здесь обшиты кедровой планкой, крыши, которые облюбовали кошки, все из белой жести. С одной стороны у кемпинга бетонированный, весь в трещинах, причал, с другой – ухабистая парковка и поросшее кипарисами болото, кишашее черепахами и тысячами крабов. Ресторан Кларка, пропахший вчерашним растительным маслом для жарки и рыбьей чешуей недельной давности, – главная достопримечательность Джексонвилла, – славится вкусной, с пылу с жару едой, и ее ароматы, распространяясь вниз по течению реки, а также по ветру, сладостно щекочут обоняние на протяжении нескольких миль. Все местные жители дружно считают ресторан Кларка лучшим местом, где можно хорошо поесть, и привязаны к нему, словно пьяницы к любимой забегаловке. Меню здесь очень содержательное, но большинство посетителей не покупаются на множество привлекательных названий. Ресторан прославился креветками и жареным сомом, и, вопреки заверениям меню, он подается только жареным, хотя, если бы вы вознамерились оскорбить повара или прослыть северянином, можно было получить рыбу и в другом виде. Пиво здесь может заказать каждый, но если вы кормящая мать, водитель или баптист, то вам предложат чай со льдом – подслащенный или без сахара. В этом ресторане свято уверовали в то, что приготовление пищи и напитков – настоящий религиозный ритуал.

Преодолев триста ярдов водной поверхности, заросли кувшинок и волны от водных лыж, Мэтт выбрался на берег, внешне совершенно не отличаясь от здешней публики, снующей вокруг на лодках или водных лыжах. За исключением небольшого странного свертка на поясе он был такой же, как полтора десятка других загорелых незнакомцев, любителей искупаться около причала. Мэтт миновал причал и автомат с кормом для черепах.

В заведении Кларка было два зала. Один из них напоминал музей. Было ясно, что хозяин коллекционирует блюда из китайского фарфора и чучела животных: тут были олени, еноты, крокодилы и – совы. Это была солидная коллекция, и хозяин явно ею гордился, почему все стены почти сплошь были заняты экспонатами. А цель у хозяина была двойная: он заботился не только о познавательной стороне дела, но и о том, чтобы посетители в ожидании еды не соскучились, поскольку редко приходилось ожидать предвкушаемое блюдо меньше часа, а вот кларковские экспонаты отвлекали внимание и родителей, и детей. Тем не менее, по мере того как часы тикали, количество блюд в меню все сокращалось.

Открытый деревянный настил с верандой возвышался над лоном вод на фут-два, что зависело от прилива. Если он был выше обычного, то волны захлестывали пол и перекатывались через ноги обедающих. Впрочем, их взгляды, как правило, были прикованы к плавающим вокруг ребятишкам. Деревянные столики были старые, с облезшей краской, грязные, испещренные резными надписями, обещавшими все виды любви. Тут и там встречались глубоко врезанные в дерево инициалы, некоторые, правда, уже соструганные, а были просто перечеркнутые, с означенными вместо них новыми именами.

Так как основная масса посетителей предпочитала внутренний зал, то несколько столиков на открытом воздухе были не заняты, и Мэтт, пройдя шаркающей походкой через этот лабиринт, выбрал затененный столик в углу. Он сел лицом к «Дубам» и реке. Когда требовалось, Мэтт мог притвориться здоровым, ведь он практиковался много лет, только не всегда и не очень хорошо получалось.

Опершись на стол, Мэтт осматривал присутствующих. Проведя семь лет в больнице, он с особым вниманием воспринимал малейший жест, звук, оттенок цвета. Через полминуты появился официант, покрытый мучной пылью, забрызганный пятнами жира и явно не ограничивающий себя в питании. Появился он с огромной чашкой из красного пластика, до краев

наполненной чаем с лимоном, и поставил ее, частично расплескав, на стол. Прежде чем официант успел раскрыть рот, Мэтт схватил чашку обеими руками и осушил ее в пять глотков, облив при этом всю грудь. Сидевшие за соседним столиком оглянулись на его громкое хлюпанье.

– Эй, приятель, – сказал официант, быстро проглядывая уже полученные заказы. Открыв чистый лист в блокноте, он окинул любознательным взглядом мокрую одежду Мэтта, – водичка-то как, теплая? Так что бы вы хотели заказать?

Мэтт смерил официанта ответным взглядом, громко сглотнул и вытер капли чая на подбородке.

– Я бы хотел получить двойную порцию креветок, порцию сомятины, три порции жареного картофеля, а также картофельные чипсы и, – Мэтт указал на чашку, – еще чаю.

– И вы все это получите, – официант закрыл блокнот, сунул его под ремень в непосредственной близости от копчика и направился к выходу, но, пройдя мимо пары столиков, оглянулся: – А это все для вас или ждете подружку?

Чтобы объяснить все, как оно есть, Мэтту пришлось бы углубиться в подробности, поэтому он свел объяснение до минимума:

– Только для меня.

Официант улыбнулся и хлопнул себя по ляжке:

– Но ведь это куча еды! Справитесь?

Мэтт кивнул, и официант пожал плечами:

– О'кей, тогда готовьтесь! Сейчас все принесу.

В этот вечер не досаждали ни москиты, ни другие мошки, и пока дует бриз, они не прилетят, однако если ветер хоть на минуту утихнет – веранда сразу же опустеет.

Мэтт медленно потягивал чай, наблюдая за происходящим. Рыжая официантка с бронзовым загаром и потому не нуждавшаяся в макияже, в темных очках, сдвинутых на макушку, усаживала за соседний столик двух туристов. Женщина была маленькая, в туфлях на высоких каблуках. Поджатые накрашенные губы, вздернутый подбородок, приподнятые плечи, трикотажная кофточка с коротким рукавом, выгодно подчеркивающая силиконовую грудь стоимостью в пятнадцать тысяч долларов, – все это давало понять, что перед ним королева здешних мест.

Прежде чем сесть, женщина оглядела сиденье, поморщилась, схватила пару салфеток со столика, что находился рядом, одной вытерла сиденье, накрыла его второй и осторожно села, но так, чтобы не касаться белыми шортами деревянной поверхности стула. Официантка вернулась с двумя стаканами чая и снова исчезла в недрах кухни.

Женщина с густо накрашенными губами выжала в стакан ломтик лимона и сделала это по всем правилам, пользуясь вилочкой, а затем выпатила великолепно загрюнтованные губы, поднесла к ним чашку, отпила, сжала губы, икнула и выплеснула чай за ограду с таким видом, словно ей подали прокисшее молоко. Развернув салфетку и ухватив ее за кончики большим и указательным пальцами, она начала протирать язык.

Мэтт давно уже наблюдал за поведением людей. Будучи в лечебнице, он не имел возможности контактировать со многими человеческими особями, но это не означало, что он не питал к ним интереса. Женщина показалась ему объектом, достойным внимания, и он стал наблюдать, как она полирует язык салфеткой. Официантка, заметив, с каким отвращением она это проделывает, покинула свой пост у стойки, где вытирала серебряные приборы и сворачивала салфетки в трубочку, и Мэтт теперь внимательно наблюдал за тем, как, покачивая бедрами в слегка выцветших джинсах, она торопливо направляется к женщине.

В то же самое время другая официантка лет двадцати с хвостиком положила на его столик салфетку и закрыла старательно вырезанную ножом надпись: «Бобби любит Сьюзи».

– В чем дело, милая? – поинтересовалась у женщины рыжая официантка Дикси – бейдж с ее именем был прикреплен сзади к широкому кожаному поясу.

– Господи, – проворчала силиконовая посетительница, – что такое вы подсыпаете в чай?

Но Дикси и глазом не моргнула. Она и раньше встречалась с подобными клиентками. У этой на груди висела золотая цепочка с золотыми же буквами, слагавшимися в слово «Мисси». Одним концом цепочка была прикреплена к тонкому золотому ожерелью, а другой конец пропал в расщелине на груди. Дикси, между прочим, нравилось иметь дело с такими привередами, а Мэтт от интереса даже подался вперед, почти забыв, что за ним тоже могут наблюдать. Дикси взяла стакан капризницы, понюхала, основательно из него хлебнула и языком погоняла чай во рту, прежде чем проглотить. Вытерев губы салфеткой, свисавшей с правого запястья, она из грациозной, изящной гончей превратилась в положительного, уверенного в себе бульдога.

– А мне этот вкус нравится, сладкая моя, – протяжно, по-южному, произнесла она и, жмурясь от удовольствия и широко улыбаясь, поставила стакан перед Мисси, запечатлев на нем и свой след от губной помады.

Мисси, у которой даже челюсть отвисла от подобной наглости, схватила стакан двумя пальчиками и швырнула его в воду, возопив при этом: «Рокко!»

Рокко, восседая в самой дорогой волосяной накладке, вживленной в кожу головы, сосредоточенно читал меню и прикидывал в уме, стоит ли заказывать закуску из крокодильего хвоста и с подливкой, поэтому вопль спутницы был сейчас крайне нежелателен для него. Его розовая шелковая рубашка была растегнута чуть не до пупа, а темная поросль курчавилась практически до подбородка. На груди его висела золотая цепь толщиной в собачий ошейник, запястье украшали часы «Ролекс», усыпанные бриллиантами. У женщины – подметил Мэтт – были точно такие же. «Интересно, – подумал он, – когда она получила их в подарок? До того, как он водрузил на ее палец обручальное кольцо с огромным камнем, или после?» А камень был словно из юрского периода существования Земли.

Рокко оторвал взгляд от меню, глубоко вздохнул, возрился на официантку и утробным голосом спросил:

– В чем дело, леди?

А Дикси воткнула красный карандаш в пучок рыжих волос, сунула блокнот в карман передника и, подбоченившись, оглядела и Рокко, и мисс с имплантированным бюстом, а затем наклонилась над столиком, так что вздернулись джинсы, и облокотилась на столик:

– У нас чай со льдом напитком не считается. Его даже освежающим нельзя назвать. И от него в воду, конечно, не упадешь, – и, оглянувшись, прошептала, так, чтобы Рокко как следует уяснил: – Но это ведь ритуал, это как религия!

Дикси распрямилась:

– Вы ведь или веруете, или нет! И мы тоже принципиально не подаем здесь напиток, который называется «чай несладкий». Его приездие выдумали. Вы, конечно, можете попросить «чай без сахара», но на вас посмотрят как на чудиков, как на янки⁷. Здесь у нас, – и она ткнула перед собой сразу обоими указательными пальцами, – чай бывает только одного вида: сла-а-адкий! – Дикси многозначительно возрилась на Рокко и, толкнув его в бок, пояснила: – Как мы са-а-ми! – Ласково потрепав его за ухо, она сунула палец в его ушную раковину и повторила: – Как мы сами!

Тут Рокко, конечно, устремил свое внимание исключительно на Дикси и ухмыльнулся: от свирепого мафиози не осталось и следа, а Дикси, взглянув на Мисси, продолжала:

– И самая лучшая пропорция – это треть сахара на две трети чая, хотя, – и она снова взглянула на Рокко, – как многое в нашем мире, это зависит от того, кто к чему привык, и от того, кто добавляет сахар. Настоящий чай продается не в пластиковых банках с закручиваю-

⁷ В США: название уроженца или жителя северо-восточных штатов (о котором сложилось устойчивое мнение как о трезвом, практичном, рассудительном и деловитом человеке). (Прим. ред.)

щимися крышками. Он продается в маленьких пакетиках, которые сначала кипятят, а потом вымачивают три-четыре часа в сахарном сиропе. Весь секрет в вымачивании.

При мысли о сиропе и нескольких часах вымачивания Рокко выпрямился, потрогал пальцами талию и оглядел покрытые веснушками ноги Дикси и ее выцветшие джинсы.

– А когда чай будет уже темного цвета, его нужно опять долить сырой водой, но, – и Дикси посмотрела на стакан со следами губной помады, – но никогда водой, что продается в бутылках. – Она стояла теперь у стола, а джинсы снова опустились ниже талии. – А затем вы этот чай снова наливаете в пластиковый кувшин и ставите в холодильник рядом с кувшином молока.

Челюсть у Мисси опять отвисла, и было видно, что два верхних ослепительно-белых зуба испачкались помадой. Она захлопала искусственными ресницами, которые на левом глазу немного отклеились. Дикси улыбнулась и незаметно указала ей на глаз:

– Наверное, вам потребуется немного времени, чтобы привести себя в порядок, а я скоро вернусь.

И Дикси ушла, а Рокко следил за каждым ее соблазнительным, волнующим шагом. Мисси, которая некоторое время назад завоевала его симпатии такой же игрой, схватила Рокко за его золотой ошейник, но получила сдачу. Всей перебранки Мэтт не слышал, но кое-что все-таки разобрал:

– Больше она здесь работать не будет.

Рокко ответил что-то неразборчивое, послышалось только, уже не очень утробное, «Ух ты!», но взгляд его не отрывался от буфетной стойки, где Дикси снова перетирала серебро. Он невольно улыбался, когда она поглядывала на него и лизала языком наклейку, прежде чем закрепить ее на салфетке, скатанной в трубочку.

Пока Мисси кипятилась, Дикси снова подошла к столику, на этот раз поближе к Рокко, но не успел он и глаза на нее поднять, как Мисси, сморщившись, словно бостонский терьер, мучимый несварением желудка, выпалила:

– Вы напрасно принесли этот скверный корнфлекс!

Нисколько не смутившись и опять оглянувшись по сторонам, Дикси наклонилась над столиком и прошептала, словно по секрету:

– Дело в том, что где-то в этих краях у какого-то здешнего фермера выпали все зубы, и ему нечем стало жевать кукурузные початки, поэтому он их высушил, раздробил зерна, сварил так, что получилось пюре, добавил соли и перца, размешал с двумя ложками масла и сказал, что это называется корнфлексом. И если исключить масло, то пицца получилась самая здоровая. Вам она тоже ничем не навредит. А если она вам не по вкусу, то для большинства южан она как раз то, что надо. Но если вам не нравится, то не ешьте, нам больше достанется.

Дикси улыбнулась, легонько прижалась бедром к плечу Рокко и, взмахнув рукой, добавила:

– Вы, сладенькая моя, нос-то не воротите, пока не попробуете. Ведь сейчас большинство из нас ест даже суши и нахваливает, так что все возможно на этом свете. – И Дикси поглядела на толпу, рыбачившую на берегу. – Я вот никогда не думала, что смогу проглотить наживку, – и улыбнулась Рокко, а потом сунула два пальца в его стакан, вытащила кусочек льда и постучала пальцем по носу Рокко, а он просто онемел от желания, но тут уж Мисси взорвалась! Она побросала в сумочку косметику и вскочила с места, но Рокко властно коснулся ее бедра и заставил сесть. Покорно вздохнув, она села, скрестив руки на сумочке и подобрав ноги под стул, а Дикси пошла на кухню и вскоре вернулась с тарелкой сырных шариков, от которых шел пар. Поставив ее на стол, Дикси положила перед Рокко и Мисси ложки, а потом, подцепив несколько шариков на вилку, поднесла их ко рту Рокко, как если бы кормила ребенка. И Рокко послушно открыл рот, а потом его закрыл, не сводя преданного взгляда с Дикси, а Мисси, не в силах больше выносить этот спектакль, зашвырнула свою тарелку в воду.

– И еще одно, – прибавила Дикси, – их часто подают к кофе или перед чаем, но мы ни кофе, ни чай не завариваем кипятком, и мы не «готовим» кофе, а «засыпаем в чашку». Большинство наших, однако, капучино не уважают, но так как у нас на каждом углу по кофейне «Старбакс», то некоторые пристрастились к кофе с молоком, хотя таких совсем немного.

И Дикси направилась в кухню, но вдруг остановилась:

– И вот еще что: обед у нас в полдень, а то, что вы сейчас едите, это – *ужин!*

Пока Мисси залечивала раны самолюбия, а Рокко с удовольствием впервые в жизни поглощал сырные шарики, Мэтт улыбался, глядя на дверь кухни, откуда выносили очередной поднос с едой, дымящий, словно локомотив, покидающий станцию. Едва официант подошел и поставил перед ним поднос, Мэтт углубился в процесс насыщения, поглядывая на Мисси, которая, нахмурившись и поджав губы, глядела на воду. Рокко же, ничуть не смущаясь, медленно проглотил свое жаркое из крокодильего хвоста в винном соусе и пытался привлечь внимание Дикси, которая в данный момент расточала свою любезность двум приезжим бизнесменам, потягивающим за соседним столиком пиво из зеленых стаканов. После нескольких неудачных попыток Рокко вытер рот салфеткой Мисси и направился в туалет.

Мэтт справился с едой через восемь минут, но сирены все еще молчали, что означало возможность заказать и десерт: ни один внутренний голос не возражал против лимонного пирога. Он заказал два куска, проглотил их и посмотрел на Рокко, промелькнувшего за спиной Дикси; она снова занималась салфетками. Он натянуто улыбался, а Дикси с удовольствием сунула сто-долларовую бумажку в карман на поясе, не обратив внимания на телефонный номер, который Рокко начертил на оборотной стороне купюры.

Мэтт опорожнил кувшинчик с молоком и оставил на столике две двадцатидолларовые бумажки – за еду и еще 24,5 % чаевых. Он прошел мимо Рокко и Мисси, но как человек практического свойства заметил:

– Мэм, если вы действительно хотите, чтобы люди могли прочитать ваше имя, вам нужна цепочка покороче.

Обернувшись, он пожелал спокойной ночи Дикси и зашагал к доку. Там он опустил четверть доллара в автомат на корм для черепах, а потом бросил этот корм в воду, где эти самые черепахи высовывались из воды, пытаясь обхитрить друг друга, а то и утопить соперницу в битве за кроличьи шкварки. Когда руки у него опустели, он подошел к краю дока и подумал, что вот уже наступают сумерки, а воя сирен все еще не слышно, и еще он подумал, что вскоре не сможет связно мыслить – помешают голоса.

Смешавшись с кучкой подростков, нырявших в воду, Мэтт тоже нырнул. Проплыв несколько десятков метров к северу вдоль отмели, он отвязал желтую спасательную лодку, влез, вынул весло из уключины и медленно стал грести в том же северном направлении, мимо ресторана Кларка и дальше, уже на восток, к разветвленным притокам Джулингтонского ручья. В 6.15 утра Мэтт, в сиянии луны, как Оцеола⁸, направился туда, где, он знал, его не потревожат ни тьма, ни рассвет. Он давно сдружился и с той, и с тем, как было и с голосами. Пройдя с милю, а может, и меньше – расстояние, которое обычно пролетает ворона, – он в первый раз услышал тревожный гудок сирены.

⁸ Герой эпоса американских индейцев.

Глава 4

Я пересек границу Алабамы, проехал через реку Тейлор, сделал круг к северу от Дотана, поглядывая в зеркало заднего вида. Потом свернул на дорогу № 99 и включил «дворники» на попеременный режим.

К югу от Эббвилла я забросил в рот четыре пилюли от изжоги. Бесси оказалась права: ее кофе действительно оказался скверным. В зеркале заднего вида показался свет фар, так что можно было разглядеть грязный детский велосипед, привязанный сверху. Через минуту сзади, в непосредственной близости от моего грузовичка, «Вольво» замер, словно в нерешительности, а потом рванул мимо. Я снял ногу с акселератора и наблюдал, как водитель пронесся мимо и при этом невольно обрызгал мое ветровое стекло. На заднем сиденье лежал и, очевидно, спал мальчуган со жвачкой. Если у бензоколонки, которой владела Бесси, «Вольво» казался чем-то чужеродным, то тем более он казался таковым на дорогах к юго-востоку от Алабамы. Не проявив по отношению ко мне ни малейшего интереса, мамаша в красной бейсболке нажала на газ, «Вольво» стрелой пронесся мимо, и его красные задние фары канули в дождь. Я допил кофе, проглотил совсем зачерствевшую булочку с корицей и поубавил движение «дворников». На дороге государственного значения № 10 я свернул прямо в объятия дождя, что заставило еще больше снизить скорость. Мне уже хотелось поскорее лечь спать, но дождю мои желания были совсем не интересны. Я просто полз, а не ехал. За пятнадцать минут до дома я совсем снизил скорость, а «дворники», наоборот, запустил на полную мощность и стал вытирать ветровое стекло грязной безрукавкой.

«Дворники» пискнули, и я снова представил себя в Алабаме. Мой дом, можно сказать, был за углом, но в мыслях я умчался в Уэверли Холл. На территорию Рекса. На выжженную огнем землю. Туда, к земле, к которой я был прикован навсегда, к месту, с которого начинались и чем заканчивались, в большинстве случаев, мои размышления. К самому эпицентру преисподней.

В отличие от нее, Клоптон в штате Алабама означен на карте маленькой точкой – и еще кое-чем: здесь нет красных сигналов светофора и стоп-сигналов на переходах, нет и «зебр», а существует лишь ухабистый и посыпанный гравием перекресток между угловой бакалейной лавкой с почтовым ящиком на двери и заброшенным табачным пакгаузом, который построили еще чернокожие рабы из обтесанного кирпича, скрепленного вечно мокнущим известковым раствором. Если бы не почтовый ящик, то название «Клоптон», очевидно, отсутствовало бы на большей части американских карт, и, не будь моего отца, наш городок давно бы исчез с лица земли.

Родившийся в семье гимнастов-акробатов, подвизавшихся в бродячем цирке, Рекс Мэйсон вырос человеком жестким и деловым, он обладал особым талантом делать деньги. Рекс работал во многих местах, имеющих отношение к сфере развлечений и зрелищ, начиная с качелей и каруселей. Он умел только по одному виду определить вес человека с точностью до килограмма. Ему еще и двадцати не исполнилось, а он уже умел хорошо считать, был практичен и обладал секретом привлечения денег, и денег больших. Он твердо уверовал в то, что их наличие делает человека лучше тех, у кого денег нет. А зарабатывал он их, продавая сигареты на черном рынке и спиртные напитки несовершеннолетним юнцам.

С толстой пачкой купюр он быстро сообразил, что родственники и цирк ему ни к чему. Держа нос по ветру, он поднял воротник и покинул их навсегда, ни разу не оглянувшись. Когда ему исполнилось двадцать пять, Рекс владел семью винно-водочными магазинами и собирался купить права на распространение спиртного по всей Атланте. В тридцать он владел такими же правами на территории всей Джорджии и вел переговоры с транспортной компанией на аренду пятидесяти грузовиков.

В тридцать три года Рекс транспортировал спиртное по территории одиннадцати штатов, от Виргинии до Флориды: к западу от Алабамы, к северу от Луизианы и Теннесси и на всей территории между ними. И ему было совершенно безразлично, что люди пьют. Если они предпочитают пить, то он предоставит им эту возможность. Чем больше – тем лучше, а ему веселей, он по этой части никогда не был консерватором, и мало было на американском Юге незнакомых ему дорог.

К тридцати пяти годам он владел уже десятью миллионами и достиг, как выразились «Американский журнал» и «Конститьюшн», «головокружительных высот». Журналисты оказались правы, потому что к тому времени, когда Рексу стукнуло сорок, он обладал состоянием более чем в пятьдесят миллионов долларов. Отмечая день рождения, он решил осуществить грандиозный архитектурный план – построить в Атланте шестидесятиэтажный небоскреб. Четыре года спустя он перевез на шестидесятый этаж свой офис.

Вскоре, выложив наличными требуемую сумму, он приобрел тысячу пятьсот акров клоптонской земли и, прорыв туннель в гранитном массиве, создающем помеху для строительства дороги, продал камень, а прибыль использовал, чтобы обновить расположенную на старой плантации усадьбу Уэверли Холл. Газетному корреспонденту он заявил, что это будет его летний дом, убежище от городского шума и суеты, место отдохновения, где можно задрать ноги кверху, поглаживая собачью голову, и вообще наслаждаться жизнью.

Но на самом деле это было далеко от правды.

Уэверли Холл стал грандиозным монументом, воздвигнутым Рексом в честь самого себя, но с какой целью он был воздвигнут, было известно только самому Рексу. А начал он «обновление» с того, что занял у каменщиков, работавших в здешнем карьере, некоторое количество динамита, завернул в пучок несколько палок, сунул их в очаг, подложил фитиль, зажег его и выбежал, посмеиваясь, через входную дверь. Когда на месте взрыва осталась лишь груда обломков, он бульдозером вывез эти останки прежнего сооружения и построил на освобожденном месте то, что хотел.

Для фундамента, подвала и первого этажа Рекс использовал свой собственный гранит, а потом привез из Атланты кирпичи для второго и третьего. Известковый раствор мог бы многое рассказать о строительном процессе. Рекс строил новый дом с большим размахом: черепица, ткань для обивки, мебель – все было доставлено аккуратно и неторопливо на кораблях из Италии, Франции и с Востока. И чем дальше края – тем лучше. Столяров и художников-декораторов он выписал из отдаленных мест – Калифорнии и Нью-Йорка, – но, по правде говоря, мало кто из местных согласился бы на него работать. Дом парил над окрестностями. Потолки на первом этаже были пяти метров высотой, на втором – до четырех, а на третьем и на чердаке – три метра. Что касается полов, то на первом этаже они представляли собой странное смешение итальянского мрамора с испанским, а на втором и третьем это был паркет из гондурасского красного дерева, причем украшенного ручной резьбой. В этом обширном здании разместилось восемь каминов, и четыре из них были такими большими, что можно было как следует выспаться внутри за каминной решеткой. Я это узнал на собственном опыте. А Рексу никогда не приходило в голову даже заглянуть в них.

Он набил подвал бутылками вина, покрытыми пылью, а свой личный погребок десятком разных, но уникальных в своем роде крепких напитков, хотя всему предпочитал сорт виски «Бурбон». В оружейном кабинете он разместил десятки схожих по внешнему виду типов оружия с золотыми инкрустациями, присланного оттуда же, откуда прибыли черепица и кафель, – из Германии, Испании и Италии.

На пологом склоне холма позади дома он вырубил все деревья и устроил там пастбище, окруженное забором из кедра с художественной резьбой, построил конюшню на десять стойл, образцовый коровник и заполнил их самыми породистыми лошадьми и коровами. А рядом поместил маленький кирпичный домик для прислуги, соединив его с большим домом крытым

переходом, чтобы не промокнуть под дождем, если ему вдруг придет в голову фантазия разбудить слугу, обитающего в домике.

Если Рексу хотелось уединиться в алабамских лесах, а также удалить и нас от шумной толпы, то он хорошо справился с этой задачей. Вообще-то у нас и так было мало соседей, но ему хотелось, чтобы никто из них не заходил без приглашения со свежее испеченным пирогом для десятиминутной приятельской беседы, поэтому он и соорудил в Уэверли Холл парадный подъезд. Массивная кирпичная кладка, железные прутья длинного коридора – его хватило бы, чтобы устроить стоянку для нескольких автомобилей, – давили своей семиметровой высотой на входящих. Из-за огромной тяжести и податливой почвы ворота склонились вперед, словно Пизанская башня, но вместо того, чтобы решить данную проблему как полагается – раз и навсегда, Рекс укрепил ворота металлическими тросами – так натягивают цирковые тенты. По этой причине в них каждый раз шелкало электричество, когда надвигалась гроза, и это всегда напоминало о том, как Рекс грозит кулаком, а его кулак был всегда наготове, и мне очень не хотелось иметь с ним дело.

Подъездная дорожка за воротами на протяжении полумили тянулась к дому, напоминая змею, плывущую по воде: «змея» обвивала снизу стволы развесистых дубов, плакучих ив, старых камелий и скользила дальше, по озимой ржи, прежде чем замереть у площадки перед входом, окруженной восемью кипарисами, стойкими и неподвижными, точно солдаты возле Букингемского дворца.

Если Уэверли Холл в прошлом представлял собой типичную южную усадьбу, то теперь это был псевдо-французский замок, который наводил на мысль о неравном браке между кирпичным складом и Билтморским замком. Он был так же чужд американскому городку Клоптон, как Японии – рестораны «Макдоналдс».

По мере того, как я выросл и во мне все громче заявлял о себе фотограф, я, фигурально выражаясь, все чаще старался отойти в сторону – пусть картинка сама заполнит объектив, – и неважно, какие использованы для этого линзы: я все равно видел окружающий мир только в мрачных тонах. Мне трудно было усмотреть в нем что-нибудь светлое.

Мисс Элла, когда она только что поступила на службу к Рексу, решила посадить у ворот цветы, например львиный зев или желтые лилии. Она думала, что Рексу это будет приятно. Ему, однако, эта затея не понравилась. Железным концом зонтика он сбил головки цветов, растоптал их подошвами дорогих башмаков, а потом залил бензином.

– Но, мистер Рекс, – спросила мисс Элла, – неужели вам не хочется, чтобы цветы приветствовали входящих?

Он взглянул на мисс Эллу так, будто она рехнулась:

– Женщина! Это я даю знать всем сюда входящим, приятен мне их приход или нет.

Мне было шесть лет, когда однажды Рекс приехал на своем черном «Мерседесе» утром – а это было для него необычно. В одной руке он держал чемодан, а на другой – темноволосого мальчика. Он оставался в доме ровно столько времени, чтобы успеть выпить двойную порцию виски и объявить мисс Элле:

– Это Мэтью... Мэйсон. – Рекс сморщился и отхлебнул из стакана, словно заявление причиняло боль, потом еще пару раз глотнул и добавил: – Очевидно, это мой сын, – и отправился на конюшню, не сказав мне ни слова.

Свидетельство о рождении удостоверяло, что Мэтью родился в больнице Атланты через полгода после меня. Имени его матери в свидетельстве не значилось, а в соответствующей графе стояло: «Особа женского пола. Возраст 29 лет». Мэтт был смуглокожий, и поэтому напрашивался вывод, что его мать – иностранка, родом из Испании, Италии или Мексики, но только самому Рексу было известно, кто из «обслуги» – домашней, офисной, дворовой или постельной – на самом деле является матерью этого ребенка.

Прежде чем уехать, Рекс наведлся на конюшню, проверил, в порядке ли собаки, а потом укатил на машине. Я наблюдал в окно, как он уезжает, и, когда машина скрылась из виду, открыл доску с детскими шахматами, достал оловянного солдатика и деревянное ружьецо. Когда мы с Мэтью копались в ящике с игрушками, мисс Элла вдруг окликнула меня:

– Так!

– Да, мэм?

– Сегодня для тебя знаменательный день. Ты научился тому, что с ближним надо делиться.

– Да, мэм.

Она взяла мой ремень с двумя кобурами, окинув его оценивающим взглядом – он висел на спинке кровати, – и села на пол:

– Мэтью, – спросила она, – ты какой рукой рисуешь?

Мэтт поглядел на руки, перевернул их ладонями вверх и протянул ей левую.

– Тем лучше, облегчает дело.

Мисс Элла вынула из кармана ножницы, перерезала ремешок, на котором держалась левая кобура, вытащила из шкафа тоненький пояс, сделала из него петлю и привязала к ней кобуру, а ее – к ремню и затянула ремень у Мэтта на животе:

– Вот и готово!

Мэтт поправил ремень и, подойдя к мисс Элле поближе, обнял ее за шею и произнес первое слово под этой крышей:

– Спасибо!

А мисс Элла обхватила его своими худыми руками и торжественно провозгласила:

– Добро пожаловать к нам, молодой человек.

Да, руки у мисс Эллы были тощими, но самыми лучшими на свете!

Примерно в то же время, когда в нашем доме появился Мэтью – точнее сказать не могу, – со мной в школе произошла довольно большая неприятность. Учительница выстроила всех учеников во дворе и предложила рассказать о родителях – кто они и чем занимаются. Маму я никогда не видел, от Рекса был далек и не знал, что он за человек и где он работает, а потому начал рассказывать про мисс Эллу. Класс очень развеселился: ведь я говорил о какой-то «горничной», и потом одноклассники целых два года меня дразнили. Тогда, между прочим, я впервые осознал, как тернист наш жизненный путь. В тот день, придя из школы, я швырнул на пол ранец с учебниками. Мисс Элла, заметив мою поникшую фигуру, взяла меня за руку и повела к западному входу в дом, откуда можно было видеть, как садится, во всей славе своей, солнце, золотистым сиянием окутывая не успевшие еще пожелтеть скирды. Она опустилась передо мной на колени, скрипнув дешевыми парусиновыми тапочками по дорожному паркету, и ласково, двумя пальцами приподняла мой подбородок.

– Дитя мое, – прошептала она, – слушай, что я тебе сейчас скажу, но слушай внимательно.

По моей щеке покатила слеза, но она быстро смахнула ее мозолистым большим пальцем:

– Ты никому не верь, а только мне!

Я был не расположен выслушивать еще одну проповедь и скосил глаза в сторону, но снова двумя пальцами, от которых пахло грушами – она варила джем, – мисс Элла резко вернула мое лицо в прежнее положение:

– Все дело в том, что дьявол действительно существует в этом мире, как существует, например, вода, и в его скверном, подлом умишке есть только одна мысль... Он думает только о том, как вырвать из твоей груди сердце и растоптать его, и отравить твою душу, наполнить ее злобой и гневом, а затем развеять душу по ветру, словно рыбу чешую.

Мисс Элле всегда удавались такие красочные сравнения и живописные картины.

– И знаешь ли ты, что он делает потом?

Я покачал головой, но уже с интересом стал прислушиваться к ее словам еще и потому, что на глазах у нее сверкнули слезы:

– Он начнет истреблять в тебе все хорошее, но знай, что есть и Господь Бог, а Он начало и конец, альфа и омега всему сущему, и от Него ничего не укроется. От Него не ускользнут ни дьявол, ни даже сам Рекс!

Мне это понравилось, и я широко улыбнулся.

– И это Господь привел меня сюда ухаживать за тобой, пока ты растешь, а дьявол задумал ожесточить твое сердце и пышет такой злобой, что даже рога у него дымятся, но ему сначала надо будет справиться со мной...

Меня все еще уязвляла мысль о том, что произошло в школе, но мисс Элле удалось меня наконец утешить: она сделала два бутерброда с ореховым маслом и джемом, и мы уселись на пороге. Мы ели и смотрели на пасущихся лошадей.

– Такер, – сказала она, и в уголке рта у нее блеснула капелька масла, – если дьявол захочет наложить на тебя руки, ему придется сначала испросить разрешения у Господа Бога. Вот так он поступил, когда искушал Иова, и так же искушал Иисуса. И он захочет так же поступить с тобой. Он постучит в дверь Рая и попросит разрешения. Он так всегда поступает, после того как его самого оттуда вышвырнули.

Я сощурился и едва не задал ей вопрос, который так и вертелся на языке...

– Знаю, о чем ты сейчас думаешь, – произнесла она, покачав головой, – но сейчас же выброси это из головы, сразу же выброси. Мы не всегда можем понять, что делает Господь и почему Он так делает, – и она постучала пальцем по моему носу, – но одно я знаю наверняка: если дьявол захочет тронуть хоть единственный волосок на твоей красивой головке, то ему надо будет испросить на это разрешение. Знай и помни: я с Богом говорю все время, а он сказал, что никогда не позволит дьяволу причинить тебе вред.

Когда мисс Элла начинала говорить о Боге, возможен и безошибочен мог быть только один ответ:

– Да, мэм, – ответил я не очень-то убежденно.

– Мальчик! – и она схватила меня за щеки и прижалась своим лицом к моему. – Не отвечай мне так, отвечай мне сердцем!

– Да, мэм, мисс Элла!

Она разжала руки и улыбнулась, правда, одними глазами:

– Вот так-то лучше!

Когда Рексу стукнуло сорок пять, фирма «Мэйсон энтерпрайзес» имела свои отделения в каждом штате по всему Юго-Востоку страны и уже окончательно завладела всем рынком спиртного, однако Рексу этого было мало. В пятьдесят он самовластно распорядился и своим имуществом, и тем, что ему не принадлежало, обратив все это в десятки миллионов долларов. Он начал подкупать конкурентов, для того чтобы завладеть их достоянием. Он быстро дробил приобретенное и распродал по частям. Со стаканом виски в руке, с кривой паучьей, кровожадной улыбкой он объявлял конкуренту: «Продавай то, что имеешь, а иначе я распродам все, что имею, и по самой низкой цене, и ты вылетишь в трубу, потому что придется и тебе все продать, но уже по центу на каждый доллар».

Рекс умел объяснять доходчиво. Такая игра и подобная тактика действовали абсолютно безотказно, и в результате через три года, заработав еще миллион, он уже добирался из своего высотного офиса до Уэверли Холл на вертолете, а потом на двухмоторной «Сессне». Если Рекс и обладал талантом, то он прежде всего состоял в умении делать деньги. Все, до чего бы он ни коснулся, все обращалось в золото.

А что касается Уэверли Холл, то в этом отношении Рекс продолжал пользоваться динамитом, взрывая гранитные ущелья, а потом распиная землю. По его приказанию каменщики взорвали гранитный утес двадцатиметровой глубины, и оттуда хлынул подземный источник,

затопивший ущелье. Однако Рекс сумел воспользоваться и этим: с помощью насосов он стал выкачивать из ущелья воду, пуская ее на орошение своих садов и оранжерей, а они занимали площадь почти в десять акров⁹. А потом он построил водонапорную башню и на крыше амбара соорудил нечто, похожее на бассейн, в котором на целые полгода хватало запасов воды. Было достаточно ее и для оранжерей, а также для всех обитателей усадьбы. Свои подвиги Рекс совершал сам, практически ничего не зная о строительстве, взрывах, коневодстве, слугах, ищейках и оранжереях, но какое это имело значение! Он занимался всем этим не потому, что знал технологию дела или собирался что-то узнавать. Нет, все, что требуется, знали за него другие, он же только погонял и командовал, а командовать Рексу очень нравилось!

На его обширных владениях находились полуразрушенная церковь с кладбищем. Церковь Святого Иосифа была построена еще до создания епископальной епархии в графствах Дэйл, Барбур и Генри Каунти, так что когда Рекс приобрел здесь собственность, то купил заодно и церковь, и кладбище. В церкви было всего восемь скамей – деревянных, узких, с вертикальными спинками. Скамьи с трудом вмещали сорок человек. Шотландские фермеры построили церковь еще до 1800 года и привычно радовались тому, что было где посидеть. За давностью лет деревянный алтарь уже сильно обветшал и напоминал скорее колоду для разделки мясной туши, чем некий сакральный объект. Деревянный Иисус был увенчан терновым венцом, на котором – но также на голове, руках, слегка согнутых коленях, больших пальцах ног – белели кучки голубинового помета. Дожди через щели деревянной крыши то и дело заливали пол, и все здесь, внутри, промокло, включая траченный молью, когда-то пурпурный ковер, на котором прихожане преклоняли колени. Ковер проникал под железное ограждение к алтарю. Места на ковре хватало на то, чтобы восемь взрослых худых прихожан опускались бы здесь на колени, а потом, шаркая, вновь усаживались на жесткие скамьи. От пола веяло холодом, проникающим в башмаки с худыми подметками, но некоторые приходили сюда босыми. Однажды летом под натиском ураганного ветра все четыре окна распахнулись, и потом их заколотили гвоздями. Это случилось семьдесят пять лет назад, и с тех пор свежий воздух сюда не проникал. По закону Рекс был обязан содержать кладбище в «функциональном состоянии», и он это исполнял, поясняя: «Мои люди косят там траву, когда это требуется и даже когда не требуется». При нем церковь всегда была заперта, кишела самыми религиозными на свете голубями, была затянута паутиной и оккупирована несметным полчищем грызунов. Прихожан здесь, естественно, не наблюдалось, и церковь, в том числе и по причине дырявой крыши, была обречена на окончательное догнивание.

Знакомых у Рекса было немного, а друзей не было и вовсе, но, в силу традиции, он иногда устраивал приемы для партнеров по бизнесу, которые изо всех сил старались ему угодить. В те десять лет, когда его могущество достигло апогея, а это произошло накануне его пятидесятилетия, Рекс нанимал для обслуживания дома десять работников, и они были заняты целый день. Кроме, того, ему прислуживало огромное количество мелкой сошки, что сновала между Атлантой и Клоптоном, и все это создавало должное впечатление, которое он и желал производить на окружающих. Когда журнал «Атланта» повествовал высокопарным слогом о «загородном магнате, который способностью и талантами создавать империи из ничего превзошел даже самого царя Ирода», то другой атлантский журнал в передовице описывал Рекса так: «Это приземистый, пузатый толстяк с глазами-бусинками и комплексом Наполеона».

Рекс тоже создал свою империю из ничего, заработал миллионы и смог купить Уэверли Холл, но журнал продемонстрировал всем и его слабости, а именно: в глубине души Рекс был не уверен в себе и страдал комплексом неполноценности, который скрывался под ненасытной завистью. Все это и сделало из него безжалостного магната, который ничуть не заботился ни о людях, которые на него работали, ни о разоренных им деловых компаньонах.

⁹ Акр = 0,4 га.

Что уж говорить о двух его сыновьях!

В конце делового дня, когда все необходимые документы уже были подписаны, все нужные руки пожаты и сделки завершены, включая и тайные, самые доходные, Рекс Мэйсон оставался наедине со своим самым заветным желанием: заполучить контроль над всем и вся. Уэверли Холл был ему нужен только для этих целей – оставаться хозяином положения и всех контролировать. Ему совершенно не нужно было, чтобы другие его любили. Ему требовалось только одно: чтобы его боялись. И днем и ночью он помышлял только об этом: как возбудить страх во всех его окружающих. Каждый человек, по мнению Рекса, был его соперником, а соперник должен быть побежден и запуган, в том числе и мы с братом. Страх, возбуждаемый им в других, был источником его власти, могущества, умения подчинить каждого своей воле: он преследовал любую попытку сопротивления и только в этом случае считал себя властелином. Если то, что я говорю, звучит убедительно, то только потому, что мне приходилось размышлять над этим положением вещей тридцать три года. Контроль и власть – вот главная цель мироздания, самый верный признак значимости человека в этом мире – так полагал Рекс. Он мог, например, поднять бокал на банкете и заявить партнерам по бизнесу:

– Жизнь – тоже банкет, но большинство людей в мире голодает, так что ешьте досыта, пока есть такая возможность!

Когда мне исполнилось шесть, Рексу надоели и Уэверли Холл, и сыновья, так что вместо раза в неделю он стал приезжать раз в две недели, а потом начал бывать в поместье только раз в месяц. Через год-два ежемесячные посещения превратились в ежеквартальные, и, наконец, они почти прекратились. Когда мне пошел восьмой, я видел отца только однажды. Мой день рождения никогда не праздновался, вообще никогда, и даже в праздник Рождества я не видел никого, кроме мисс Эллы. Продавая, строя, подчиняя себе других людей, сам крутясь как белка в колесе, разрываемый на части нескончаемыми делами, Рекс в пятьдесят восемь погрузился с головой уже только в три вида деятельности, но их он контролировать не мог: он пил, проводил время с любовницами и занимался лошадьми. Все вместе эти занятия стали его Ватерлоо. К тому времени, когда я закончил учебу в колледже, Рекс Мэйсон каждое утро просыпался в своем офисе, то есть в Атланте, принимал семь разных лекарств и запивал их стаканом виски «Джек Дэниелс» двадцатилетней выдержки, отдавая чрезмерную дань своему естеству. В семьдесят лет он познакомился со стриптизершей, которая исполняла свои «танцы», сидя на коленях у посетителей. Звали ее Мэри Виктория – звезда ночного клуба, который арендовал подвал в офисе Рекса. Это была маленькая силиконовая красавица, питавшая склонность к блестящим безделушкам. Проводя все ночи с Рексом, днем она наливала доверху его стаканы, и вскоре Рекс, когда они ездили на бега, начал нажимать кнопки лифта тростью – пальцами уже не мог, так они дрожали, – и роскошно одетая Мэри делала ставки сразу на всех лошадей. Они с Рексом стояли друг друга и, между прочим, на скачках всегда проигрывали.

Когда Рексу исполнилось семьдесят пять, она растранижила все, что не досталось налоговой службе, а если учесть, что больше тридцати лет его лечили дорогие врачи, то настало время, когда у Рекса уже нечего было взять. Мэри покинула Рекса сразу же после визита к нему государственной налоговой службы, проверившей все его счета и объявившей его банкротом. Рекс тут же воспрял духом, но только лишь на день: он ничего не пил и «откопал» несколько своих заокеанских кубышек, о которых налоговая служба не знала. Вот почему ему удалось сохранить свой небоскреб в Атланте и Уэверли Холл. Возможно, последний был единственным полезным его приобретением. Завещал он это свое постоянно совершенствуемое имение людям, которые меньше всего стремились к этому, – мне и Мэтту. Я до недавнего времени даже и не подозревал о завещании, но мы уже в детстве владели территорией, которую могли видеть из окон на две мили вокруг. Хорошо, что Рекс никогда не говорил нам о завещании, иначе мы бы выставили его из поместья в два счета.

Еще со времен своей цирковой юности Рекс выстраивал все свои действия таким образом, что в результате стал человеком, которым желал быть. Когда я подросток и начал кое в чем разбираться, мисс Элла объяснила мне, что секрет его жизнедеятельности очень прост: вся она «вытекает из питья». Как большинство учеников дьявола, он попал в собственноручно расставленную ловушку. Сейчас Рексу Мэйсону восемьдесят один и у него болезнь Альцгеймера в последней стадии. Он не может сосчитать до десяти, удержать слюну во рту, и она медленно капает с его дрожащей нижней губы. Целые дни он проводит в заскорузлых от экскрементов памперсах в одном из приютов для стариков, неподалеку от Уэверли.

Не скрою, иногда это зрелище доставляет мне удовлетворение.

Глава 5

В двух милях к востоку от Джулингтонского ручья Мэтт перестал грести, и каноэ само тихо заскользило по воде. Берег приближался, деревья становились выше, на воде плавал разнообразный мусор, как это было во времена, еще не знавшие цивилизации. Когда до берега остается одна миля, ручей начинает прихотливо извиваться, хотя иногда опять вытягивается в прямую линию. Мэтт прислушался к уханью сов: такой же звук убаюкивал его в течение семи лет. Гортанным звукам, которые доносились с верхушек кипарисов, издали отвечали такие же, и этот дуэт оглашал окрестности почти минуту, пока в него не вторгся третий певец, и тогда первые два замолчали.

Мэтт скользил в каноэ все дальше, подгребая веслом, наслаждаясь заново обретенной свободой и в то же время изо всех сил стараясь утихомирить яростный хор голосов. Он знал, что Гибби пошлет вдогонку катер, так что внимательно вглядывался в пространство, надеясь найти выход из водного лабиринта. Вот чистая вода перекачивается через ствол поваленного дерева, образуя крошечный водопад в начале небольшой протоки. В самом ручье вода черная, и это заставляет задуматься: а откуда взялась тут чистая? Мэтт направил каноэ вверх по течению, перевалил через ствол и поплыл по притоку с чистой водой. Он становится все уже, в нем теперь меньше шести футов, вот он обтекает огромный кипарис. Мэтт отталкивает ветви, мешающие плыть, даже ложится на дно каноэ, чтобы они не задевали его, и с трудом, но все-таки проплывает трудное место. Вот он озирается: а где же приток? И ничего не видит. Он в водном мешке, плыть некуда. Очевидно, здесь источник, вернее, исток, начало всему. Так или иначе, но он нашел конец – или начало? – притока и теперь медленно кружится в каноэ, а потом причаливает к берегу. Потом он ставит на сиденье перед собой шахматную доску. Вот он открывает сумку с единственным куском мыла, опускает руки в воду и снова, и снова их намыливает, пока на воде не скапливается густая пена. Вытерев руки досуха, он начинает шахматную партию одновременно с восемью игроками. А вдалеке уже гудят сирены, тарыхтит мотор, но нет, найти его, Мэтта, теперь никому не удастся, потому что лишь одному человеку может прийти в голову заглянуть именно сюда.

Через несколько часов зелено-оранжевая ящерица взобралась на каноэ, уселась на носу, и Мэтт внимательно наблюдает за тем, как раздувается, а потом опадает ее горло, которое кажется розовым в лунном сиянии.

Устроившись на куче грязи рядом с водой, Мэтт наблюдает, как целый час ящерица, дергая головой, старается привлечь внимание какого-нибудь поклонника или хотя бы произвести на него впечатление, но все без малейшего успеха. Поклонник так и не появляется на горизонте, и ящерица бросается с каноэ в кристально чистую воду и плывет прочь, работая хвостом, словно винтом. Добравшись до отмели на другой стороне, она взбирается на свисающую почти до воды лозу дикого винограда и потом исчезает на дереве, которое обвивает лоза.

Грязь, налипшая на тело Мэтта, служит двойной цели: она защищает его от moskitov и от ночного холода. Мэтт стискивает ладони вместе и вжимается в грудь грязи спиной, чтобы унять дрожь, однако лицо его дергается, словно его присоединили к электрическому датчику. Он ловит доносящиеся извне сигналы. Вот уже три месяца ему удавалось утихомиривать голоса. За все эти годы это был самый большой промежуток, когда он жил без голосов. Однако все время заглушаемые, они теперь набросились на него, как разъяренная толпа. Он закрывает глаза, и ему кажется, будто он стоит на бесплодной, но еще теплой земле в темном, очень темном туннеле и прислушивается к тому, как приближается поезд. Голоса заверещали громче, и он понимает, что на этот раз они могут одержать верх. А голоса звучат все громче и громче. Они предупреждают, что он может, вот именно здесь, погибнуть. Тело немеет. Из гипнотического состояния его не смог бы сейчас вывести даже визит мокасиновой змеи, проскользнув-

шей мимо ног. Где-то на задворках сознания, там, где его мысли несутся со скоростью чуть меньше, чем тысяча миль в час, и где хранятся его лучшие воспоминания, он встречает Такера и мисс Эллу. Мэтт не боится смерти, но ему не хотелось бы уйти, не попрощавшись. И он засыпает.

Глава 6

За три мили до перекрестка на Клоптон видимость упала так, что за десять шагов было уже ничего не разглядеть, и пришлось снизить скорость до пятнадцати миль в час. Поправив «дворники» на ветровом стекле, женщина в красной бейсбольной кепке обернулась и посмотрела на сына, пристегнутого ремнями безопасности. Он спал, окруженный пачками жевательной резинки. Женщина попыталась натянуть ему на плечи соскользнувшее одеяло, но при этом невольно повернула руль, и машина съехала в придорожную канаву: так дождь и грязь способствовали тому, что «Вольво» очутился на вынужденной стоянке под уже темнеющим небом в алабамском лесу. Впереди – ни огонька! Женщина подала назад и нажала на акселератор, но это усилие лишь разметало грязь, а передняя часть машины застряла еще глубже. Женщина взглянула на часы: *«Здорово, – подумала она, – просто здорово»*. А циферблат на мобильном телефоне еще и подсказал: «Нет связи».

«Ну что ж, это даже к лучшему».

Джейс спокойно спит. Выключив мотор, она устало откинулась назад и подумала: *«Могло быть и хуже...»*

* * *

Почти четыре часа утра. Я не спал только потому, что неустанно шуршали «дворники». В двух милях от перекрестка на Клоптон дорога стала почти невидимой, отчего мои фары загорелись ярче и осветили темный силуэт «Вольво»: накренившись, он застрял в канаве.

«Не может быть, – подумал я, а потом доехал до «Вольво», остановился и выглянул из оконца. – Да нет, это та самая машина».

Но сначала мелькнула мысль: *«А может, проехать, сделать вид, что ничего не вижу и, вообще, заснул за рулем»*, но тут я вспомнил о заднем сиденье, где спал мальчик.

«Не делай другим того, чего не хочешь себе!» И еще я вспомнил о добром самаритянине и о прочей, такой же сентиментальной, ерунде... *«но ведь сейчас уже поздно!»*

«А ты не умничай! Еще не такой ты взрослый, чтобы я тебя не отстегала как следует!»

Мисс Эллы уже почти восемь лет нет на свете, а если точно, то семь лет, десять месяцев и восемь дней. Она двух центов не дала бы за мою блестящую карьеру – во всяком случае, не стала бы хвалить меня за это. Может, она и радовалась бы, но не потерпела бы моего хвастовства успехами – нет, с гордыней она никогда не мирилась, тем более что дети всегда отвечают за грехи отцов своих, – и она в это свято верила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.